

Культурные ландшафты замков и крепостей

Семиотический анализ Выборгского замка и крепости Олавинлинна

Эмми Сииртонен

Университет г. Тампере

Институт современных языков, переводоведения и литературоведения

Русский язык и культура

Дипломная работа

Май 2014

Оглавление

1. Введение.....	1
2. Ландшафт в качестве исследовательского объекта.....	4
2.1. Что такое ландшафт?.....	5
2.2. Природный и культурный ландшафт	7
2.3. Культурный ландшафт – антропогенный феномен.....	12
3. Семиотика культуры – интерпретации окружающего мира	19
3.1. Семиотика	20
3.2. Культурная семиотика	22
3.3. Критика семиотического анализа	25
4. Культурные ландшафты Выборгского замка и крепости Олавинлинна	27
4.1. Исследовательские материалы	27
4.2. Риторический анализ текста: романтизированный код	29
4.3. Лексический анализ: исследовательские понятия «замок» и «крепость».....	33
5. Семиотический анализ замков и крепостей.....	40
5.1. Ландшафт замков и крепостей	40
5.2. Культурно-пространственный код замков и крепостей.....	43
5.2.1. Оборонительное культурно-пространственное значение.....	43
5.2.2. Культурно-пространственное значение укрепленного места жительства	47
5.2.3. Тюремное культурно-пространственное значение.....	50
5.2.4. Туристское культурно-пространственное значение.....	52
6. Семиотическое поле замков и крепостей.....	55
Список источников.....	61

TAMPEREEN YLIOPISTO

Venäjän kieli ja kulttuuri

Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

SIIRTONEN, EMMI: "Kul'turnye landšafy zamkov i krepostej" – Semiotičeskij analiz Vyborgskogo zamka i kreposti Olavinlinna / "Linnojen ja linnoitusten kulttuurimaisemat" – Semioottinen analyysi Viipurin linnan ja Olavinlinnan kulttuurimaisemista

Pro gradu -tutkielma, 63 sivua (+ suomenkielinen tiivistelmä)
toukokuu 2014

Poikkitieteellisen tutkielmani teoreettisena pohjana toimii humanistisen maantieteen keskeinen käsite kulttuurimaisema. Kulttuurimaisemaa keskeisesti määrittävä tekijä on ihmisen toiminta, joka muovaa luonnonmaisemasta itseään yhä uudelleen luovan kulttuurin. Tutkielman lähtökohtana on oletamus siitä, että maisema ei milloinkaan ole subjektiivisesta määrittelystä vapaa objektiivinen ilmiö, vaan ihminen kulttuurin edustajana määrittää maiseman rajat, arvottaa itsestään arvovapaata maisemailmiötä ja luo sille merkityksiä. Kulttuuri rakentuu eritasoisista kielistä, struktuoitusta ja struktuoimattomista, jotka käyvät jatkuvaa dialogia keskenään muodostaen semioottisen merkityskentän. Kulttuurimaisemia voidaan lukea ja tulkita kulttuurin sisäisen dialogin ilmentyminä eli teksteinä. Semiotiikka, ja erityisesti Tarton-Moskovan semioottisen koulukunnan kulttuurisemiotiikan suuntaus, tarjoaa tutkimukselle hedelmällisen menetelmäpohjan empiiristä analyysia silmällä pitäen. Pyrin havainnollistamaan maiseman kontekstuaalisuutta Viipurin linnan ja Olavinlinnan tapausesimerkkien avulla.

Pro gradu-tutkielmassani ei ole varsinaista tutkimusongelmaa, vaan tutkimuksen keskeisenä tavoitteena on vastata seuraaviin kysymyksiin: minkälainen kulttuurimaisema Viipurin linnaa ja Olavinlinnaa kuvaavissa matkailujulkaisuissa rakentuu, mitkä ovat olleet linnojen käyttöfunktiot tekstien perusteella ja minkälaisia denotatiivisia ja konnotatiivisia merkityksiä linnojen ja linnoitusten kulttuurimaisemaan voidaan spatiaalisen ja temporaalisen ulottuvuuden puitteissa liittää. Työni empiirisen osion tutkimusaineisto koostuu tutkimuskohteenani olevia linnoja käsittelevistä suomen- ja venäjänkielisistä matkailujulkaisuista, ts. matkaoppaista ja -esitteistä. Aineistoni ajallinen haarukka sijoittuu vuosien 1923-2005 välille, mikä mahdollistaa sekä tutkimuskohteiden sodan- ja rauhanaikaisen käytön tarkastelun että eri funktioiden vaikutusten arvioinnin linnojen ja linnoitusten semioottisen kentän muodostumisessa.

Tutkimuksen tavoitteen saavuttamiseksi analysoin tutkimusmateriaaleja semioottisen analyysin lisäksi myös retorisella ja leksikaalisella tasolla. Analyysin tulosten perusteella pyrin muodostamaan kulttuurin sisäisen dialogin tilan eli semiosfäärin. Analysoidusta aineistosta esiin nousivat seuraavat käyttötarkoituksiin liittyvät funktiot: puolustuksellinen/sotilaallinen käyttö, asuinkäyttö, lyhytaikainen vankilakäyttö ja nykyinen matkailukäyttö. Tutkimuksestani käy ilmi, että linnojen ja linnoitusten kulttuurimaisemat rakentuvat pitkälti niiden kulloisenkin käyttötarkoituksen pohjalle. Analyysin tuloksia

tarkastelemalla voidaan päätellä, että linnojen ja linnoitusten semioottinen kenttä muodostuu materiaalisista (luonto) ja immateriaalisista (kulttuuri) vastapoleista, jotka varmistavat kulttuurimaiseman merkityksen luonnon ja kulttuurin välisen rajan tilana, kulttuurin generaattorina, joka luo aina uusia merkityksiä.

Avainsanat: Viipurin linna, Olavinlinna, kulttuurimaisema, kulttuurisemiotiikka, semiosfääri, semioottinen kenttä, funktiot

1. Введение

Актуальность темы нашей работы определяется тем, что в настоящее время количество российских путешественников в Финляндию быстро растет. Согласно исследованию государственного статистического центра Финляндии, количество российских туристов в нашей стране в 2008 году было около 2 миллиона, с каждым годом их количество выросло, а в 2012 году количество туристов из России было уже довольно большое – 3,6 миллионов (ТК 2013, www). Если будет безвизовый режим с Россией в ближайшем будущем, как говорят эксперты, то благодаря ему, число российских туристов увеличилось бы, по крайней мере, до 7 миллионов 100 тысяч, согласно исследовательским результатам Исследовательско-аналитического Центра ТАК Оу (ТАК 2013, www). Финляндия нуждается в пересмотре в сфере туристского исследования, иными словами, нам полезно в большей мере исследовать потребности и ожидания русских¹ туристов, чтобы Финляндия можно развивать качественные туристские услуги для русских потребителей. Для достижения цели надо успешно использовать наши туристские ресурсы, чтобы привлекать в Финляндию путешественники из России, что конечно требует либо знания финской, либо русской культуры, а также того, как они взаимодействуют друг с другом. В нашей дипломной работе мы попытаемся выявить, какой культурная коммуникация или диалог существует между Финляндией и Россией в текстуальных пространствах Выборгского замка и крепости Олафинлинна. Названные достопримечательности как объекты для туристов отражают исторические события и культурные особенности каждой страны, изучение которых дает нам культурологическое знание, при помощи его мы можем, в узком смысле, развивать туристические услуги и рекреационные места и, в широком смысле, содействовать развитию дружественных отношений между различными культурами.

Тема нашей дипломной работы – культурный ландшафт замков и крепостей. В нашем исследовании объектом являются репрезентации времени и пространства замков и крепостей, вместе рассматривающиеся как культурный ландшафт. Мы будем рассматривать культурный ландшафт как результат взаимодействия процессов природы и человеческой деятельности, как коммуникативный процесс, содержащий в себе пространственно-культурные коды, которые образуют семиотическое пространство или так называемую семиосферу. Под

¹ В дальнейшем в работе мы будем использовать термины «русский» и «российский» вне рамок этнического или государственного компонента, то есть будем использовать как синонимы в целях избежания повторений одного и того же слова.

коммуникативным процессом культуры здесь понимается обмен информацией между двумя или более различными субъектами. Коммуникативный процесс включает в себе совокупность культурно-пространственных значений, отражающихся в форме природных и культурных элементов в ландшафте, в данном случае в литературных описаниях о ландшафте. Предметом нашего исследования является семиотическое пространство или поле, посредством изучения которого мы будем, во-первых, исследовать специфику культурного ландшафта на основе теоретических материалов, и, во-вторых, в эмпирической части нашей работы мы будем рассматривать семиотическое поле, образующееся на базе туристических материалов, взятых нами из разных хронологических периодов. Семиосфера ограничена и в пространстве, и во времени, и поэтому названные факторы играют значительно большую роль как индикаторы изменения в ландшафте, открывая при помощи семиотики перед нами интересные аспекты для изучения выбранной темы. Изменение изучаемого феномена культурного ландшафта во времени и в пространстве создает контексты, которые мы попытаемся выяснить в движении обладающих замками и крепостями функций.

Целью нашей дипломной работы является выявление репрезентаций времени и пространства в формировании культурного ландшафта замков и крепостей в рамках туристических проспектов в период с 1923 по 2005 гг. Данная цель выражается в совокупности следующих задач, в работе представленных в форме различных глав и разделов: 1. определить феномен ландшафта, 2. установить разницу между природным и культурным ландшафтом, 3. рассмотреть культурный ландшафт как антропогенный феномен в сфере этнокультурного ландшафтоведения и выявлять многомерное пространственно-временное измерение культурного ландшафта, 4. выявить особенности семиотики и семиотики культуры, 5. рассмотреть критику семиотического анализа, 6. провести риторический, лексический и семиотический анализ, и 7. дать характеристику семиотического пространства замков и крепостей, чтобы в конце анализа сформировать их семиотическое поле. Основной задачей в заключительной главе является рассмотреть смысл семиотического поля в сфере культуры. В настоящей дипломной работе в теоретической части (главы 2-3) мы будем обсуждать структуру и теорию (культурного) ландшафта и давать общую характеристику тем культурно-семиотическим методам, которые мы используем в эмпирической части исследования (главы 4-6), чтобы выявить, какой культурный ландшафт формируется на основе совокупности семиотических значений в наших текстуальных материалах о двух крепостях, представленных ниже.

Крепость Олавилинна (Олафсборг), находящаяся в городе Савонлинна в Восточной Финляндии, и Выборгский замок, который находится на территории города Выборг в районе Ленинградской области Российской Федерации – это те культурные ландшафты, которых мы будем исследовать в нашей дипломной работе. Эти крепости были выбраны, потому что они являлись частями шведского, финского и русского национального ландшафта в разные периоды своей истории и поэтому именно при исследовании их культурных ландшафтов можно получить интересные результаты. Однако необходимо отметить, что мы не будем прямо изучать сами замки или их ландшафтные особенности, а, занимая лингвистическую позицию, мы будем исследовать сторону культурного ландшафта замков и крепостей, формирующуюся через тексты, написанные о названных замках. Иными словами, именно текстуальные материалы, представленные в главе 4.1, выступают в качестве материала нашего семиотического исследования. Помимо лингвистической позиции, на наше междисциплинарное исследование влияют и научные направления, в частности, культурной и гуманитарной географии, культурного ландшафтоведения, культурологии, филологии, семиотики и культурной семиотики, посвященные выражениям взаимовлияния процессов природы и человеческой деятельности в культурном пространстве.

Структура нашей работы определена целью и задачами исследования и состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников. Так, теоретическая часть нашей дипломной работы состоит из двух глав. В первой главе мы исследуем близкие понятия «ландшафт» и «пейзаж» с целью найти от них смысловую и культурную разницу или сходство. Мы попытаемся также выяснить специфику феномена *ландшафт*, дадим определение ландшафта; какая разница существует между природным и культурным ландшафтом, как культурный ландшафт может быть интерпретирован как антропогенный феномен, а также мы исследуем пространственно-временную многомерность ландшафта при помощи различных точек зрения на изучение данного феномена. Во второй главе мы будем рассматривать семиотику как научную дисциплину и семиотику культуры, интерпретирующую окружающий мир, как методологическую базу нашего исследования. В данной главе мы также изучаем принципы культурной семиотики, например, даем представление о семиосфере Юрия Лотмана, о «стратегии прочтения ландшафта» Ольги Лавреновой, о антропогенном ландшафте этнокультурного ландшафтоведения Ольги Ливинской и семиотике ландшафта Эро Тараста. В эмпирической части нашей дипломной работы мы изучаем культурный ландшафт замков и крепостей с точки зрения семиотики культуры. В главе 4 сначала представлены наши исследовательские материалы и затем в отдельных разделах мы будем проводить

риторический и лексический анализы. В главе 5 мы будем проводить семиотический анализ материалов так, что в первом разделе рассматриваются природные элементы, доминирующие в пространстве замков и крепостей; таким способом формируются физические рамки культурного ландшафта. Во втором разделе нам нужно исследовать культурно-пространственные коды, образующие семиотическое поле замков и крепостей; этому посвящена заключительная глава 6.

2. Ландшафт в качестве исследовательского объекта

В этой главе мы будем рассматривать феномен ландшафта в качестве исследовательского объекта нашей дипломной работы. В первом разделе *Что такое ландшафт* сделаем краткий лексико-семантический разбор терминов *пейзаж* и *ландшафт* и познакомимся с концепцией ландшафта. Во втором разделе *Природный и культурный ландшафт* мы сделаем различие между феноменами природного и культурного ландшафта при помощи теории Всемирного наследия ЮНЕСКО. В третьем разделе *Культурный ландшафт – антропогенный феномен* наш исследовательский объект будет рассмотрен более детально посредством научного направления этнокультурного ландшафтоведения и, кроме того, мы сконцентрируемся на пространственно-временном измерении культурного ландшафта с помощью метода рассмотрения ландшафта П.Т. Карьялайнена. В этой главе дается широкое определение понятия ландшафта, чтобы можно было в следующих главах сконцентрироваться на этой теме преимущественно с культурно-семиотической точки зрения. В дальнейшем особое внимание будет уделено концепции культурного ландшафта, репрезентирующего «совместные творения человека и природы». (ЮНЕСКО 2005, www.)

В качестве источников в ходе теоретической главы мы будем использовать: «Puhdas maantiede» И.Г. Гранэ (1930), «Maantieteen maisemia» П. Карьялайнена и П. Райво (1999), «Maisemanhoito» исследовательской группы Maisema-aluetyöryhmä (1993), «Paikan heijastuksia: ihmisen ympäristösuhteen tutkimus ja representaation käsite» гл. ред. Р. Мянтьясало (2004), «Samanaikainen tila» Дорен Массей (2008), различные документы, относящиеся к Всемирному наследию ЮНЕСКО на английском и также на русском языке (1992, 2005), «Культурный ландшафт как объект наследия» Ю.А. Веденина и М.Е. Кулешовой (2004) и «Природное и культурное наследие: понятие культурного ландшафта в отечественной

географии» О.А. Ливинской (2012). Мы будем также использовать электронный источник «Замки и крепости (Linnasta linnaan) туристическая информация о замках и крепостях Финляндии и России» Музейного ведомства Финляндии (2008, www.) Кроме вышеупомянутых источников, в ходе терминологического разбора в кратком лексико-семантическом анализе, мы будем использовать и следующие словари: «The Dictionary of Human Geography» (2000 – далее DHG), «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (1998 – далее БТС) и «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина (1998 – далее ТСИС).

С помощью вышеупомянутых источников мы попытаемся решить следующие поставленные задачи: 1) определить феномен ландшафта, 2) установить разницу между природным и культурным ландшафтом посредством теории Всемирного наследия ЮНЕСКО, 3) рассмотреть культурный ландшафт как антропогенный феномен в сфере этнокультурного ландшафтоведения и 4) выявлять многомерное пространственно-временное измерение культурного ландшафта с методом рассмотрения ландшафта П.Т. Карьялайнена.

2.1. Что такое ландшафт?

Ландшафтоведение является отраслью физической географии, изучающей природные геосистемы, их структуры и эволюции. В русском языке существует два понятия в терминологии ландшафтоведения, обозначающие визуальную картину перед нашими глазами: «пейзаж» и «ландшафт». Данные слова не являются полными синонимами¹, но их часто употребляют в том же самом значении. Далее в нашей дипломной работе мы будем использовать термин *ландшафт*, потому что данное понятие является общеупотребительным, центральным в сфере ландшафтоведения, но сначала рассмотрим, какая разница существует между следующими понятиями. Во-первых, мы изучим смысловой объем термина *пейзаж*, а во-вторых, рассмотрим более детально термин *ландшафт*, используемый в нашем исследовании.

Пейзаж, - а, м. Слово *пейзаж* заимствовано в русский язык из французского слова (<paysage <paus – местность; страна). В ТСИС понятие *пейзаж* имеет два значения: 1. Вид какой-н. местности. *Красивый п. Городской п.* // Ср. ландшафт. 2. Рисунок, картина, изображающие

¹ Полные (абсолютные) синонимы – это однозначные (моносемичные) слова, у которых значения полностью совпадают (РЯ 1997: 468).

природу, а также описание природы в литературном произведении. *Пейзажи Левитана. П. в романах Тургенева.* (ТСИС 1998: 520.)

БТС дает три значения слова *пейзаж*: 1. Общий вид какой-л. местности, картина природы; ландшафт. *Лесной, северный, индустриальный, сельский п. П. моря, гор, полей.* 2. Жанр и произведение изобразительного искусства, изображающие виды природы. *Акварельный п. Вечерний п.* 3. Описание природы в литературном произведении. (БТС 1998: 789.)

Согласно исследованию П.Т. Карьялайнена, искусствоведческое значение термина *пейзаж* берет начало прежде всего в итальянскую эпоху Ренессанса. В эпоху Возрождения слово *paesaggio*, означающее небольшую территорию, использовалось в живописи, когда композицией фона являлась далекая панорама в соответствии с законами линейной перспективы. (Karjalainen, Raivo 1999: 2.)

Ландшафт, -а, м. Слово заимствовано в русский язык из немецкого слова *Landschaft* (местность). В ТСИС понятие *ландшафт* имеет три значения: 1. Общий вид местности, ее строение. *Гористый л. Равнинный л. // Ср. пейзаж.* 2. *устар.* Рисунок, картина, изображающие природу. // Ср. пейзаж. 3. *геогр.* Природный географический комплекс, в котором все компоненты находятся в сложном взаимодействии, образуя единую систему. *Естественные ландшафты.* (ТСИС 1998: 384.)

БТС даёт три значения слову *ландшафт*: 1. *геогр.* Часть земной поверхности, для которой характерно определенное сочетание рельефа, климата, почв, растительного и животного мира. *Долинный л. Тундровый л.* 2. *устар.* Общий вид местности; пейзаж. 3. *устар.* Рисунок, картина, изображающие природу. (БТС 1998: 487.)

Итак, общность смыслов терминов в том, чтоб оба они антропоцентричны: это взгляд человека на природу, однако нельзя упускать из вида и смысловую разницу между ними: *ландшафт* отражает взгляд (субъекта) на местность как природный феномен, *пейзаж* характеризует местность, пространство (с точки зрения человека), прежде всего, как визуальный, эстетический объект.

В DHG термин *ландшафт* многозначный и обозначает: 1. вид территории; 2. комплекс объектов, создавших данный вид территории. 3. сами территории (DHG 2000: 429). В DHG приводится также энциклопедическая информация о смысловой трансформации термина *ландшафт*: американский географ Карл Зауэр в своем исследовании «Морфология ландшафта», опубликованном в 1925-ом году, заимствовал концепт «Landschaft» из немецкой

географической школы и перевел термин на англоязычный манер «Landscape». (DHG 2000: 135.)

Согласно исследованию П.Т. Карьялайнена, феномен ландшафта в современной науке имеет много значений, которые зависят от цели употребления слова. В широком общеупотребительном значении данное слово является: а) синонимом неприкосновенной природы, эстетического объекта, культурно-исторической среды, б) синонимом традиционной сельской местности. Понятие ландшафта фокусируется на трех аспектах: 1. визуальный или зрительный вид, 2. географическое пространство, 3. символическое пространство, рассматриваемое как культурный образ. В ландшафтных картинах нидерландских художников понятие *landschap* значило сельский вид с людьми, животными, сооружением и с местной природой. (Karjalainen, Raivo 1999: 1-2.) Следовательно, как показывают словари и разные исследования, граница между терминами трудноуловима, подвижна в лексических системах разных языков.

Может быть, важнейшим характерным признаком определения ландшафта является непосредственная визуальность. Ландшафт органично и естественно соединен с границами обозреваемого человеком пространства. Мы вспоминаем, сравниваем, пробуем на вкус и обоняем ландшафты перед нами. Мы также можем представлять в своем сознании ландшафты, которые сами никогда не видели в физической реальности, в результате того, что мы читали или слышали о них. Наряду со зрительным ландшафтом, существуют ландшафты звуков, запахов и души, а также воспоминания и надежды, связанные с этими ландшафтами, формирующими совокупность феномена ландшафта. (Karjalainen, Raivo 1999: 2.) Таким образом, ландшафт в данной широкой интерпретации ассоциируется вообще с памятью человека в разных формах ее проявления.

2.2. Природный и культурный ландшафт

Согласно исследованию П.Т. Карьялайнена, исследователи культурного ландшафта считают необходимым разделить понятия природного и культурного ландшафта. *Природный ландшафт* формируется под влиянием природных процессов, а *культурный ландшафт* всегда под влиянием человеческой деятельности. Полностью ясных границ между этими понятиями нет, но в принципе можно сказать, что в природном ландшафте доминируют природные элементы – горная порода, уровни высоты, водоемы, следы ледникового периода и растительность, а в культурном ландшафте – культурные элементы. (Karjalainen, Raivo 1999:

1.) Культурные элементы включают в себя, между прочим, измененный человеком внешний облик ландшафта; построенные сооружения (замки и крепости), измененная почва, посаженные растения, местные жители и т.д. Человеческая деятельность играет большую роль в определении и формировании культурного ландшафта. Отсюда вытекает, что культурные элементы можно назвать и антропогенными элементами. Карьялайнен (Karjalainen, Raivo 1999: 1.) утверждает, что человеческая деятельность всегда без исключения влияет на ландшафт – чистая неприкосновенная природа не является ландшафтом, но даже в самом нетронутом природном ландшафте видно культурное присутствие человека, которая, по крайней мере, выступает как фильтр, определяющий эстетические значения панорамы. Несмотря на то, что мы рассматриваем, на первый взгляд, даже просто физическую природу, – рамки ландшафта всегда культурные.

Как выше отмечено, полностью ясных границ между различными ландшафтными понятиями не существует, но природные и культурные ландшафты все же разделены в многих исследованиях. В докладе исследовательской группы по вопросам ландшафта из Министерства охраны окружающей среды выделено три типа ландшафтов. Типология ландшафтов такова: 1) *природные ландшафты* – области, развивавшиеся, в основном, в результате природных процессов. Существуют также два типа культурного ландшафта, развивавшегося в результате взаимовлияния человека и природы: 2) *культурные ландшафты сельской местности*, которые являются важными доказательствами данного взаимовлияния, сохраняющие большую степень оригинального культурного наследия, 3) *ландшафт города*, сформировавшийся почти исключительно в результате человеческой деятельности (Maisema-alueyöryhmä 1993: 10.). В этой типологии видна необходимость установления границ между природным и культурным ландшафтом в исследовательской сфере. При необходимости установления и закрепления ярких границ в отдельных случаях возникают, конечно, смысловые проблемы, но в принципе можно сказать, что человеческая деятельность устанавливает и выражает ту границу. Культурное наследие как значительная часть культурного ландшафта – это один из примеров деятельности человека.

С начала 1990-ых годов во всем мире феномену культурного ландшафта как особому типу наследия, обеспечивающему взаимодействие, взаимопроникновение и взаимозависимость природных и культурных элементов наследия, стали уделять повышенное внимание (Веденин, Кулешова 2004:13). Понятие «культурный ландшафт» как объект Всемирного наследия было оформлено и закреплено официально в 1992 г. на 16-й сессии Комитета по Всемирному наследию, в котором культурный ландшафт было определен как объект наследия (ЮНЕСКО

1992: 54, www). В руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия культурные ландшафты, имеющие статус объекта культурного наследия, репрезентативно представляются "совместными творениями человека и природы". Культурные ландшафты иллюстрируют процессы эволюции человеческого сообщества и поселений, которые происходили под влиянием неблагоприятных и/или благоприятных физических факторов естественной среды обитания человека; они также сменяют друг друга в результате как внешних, так и внутренних социальных, экономических и культурных факторов. (ЮНЕСКО 2005, www.)

Веденин и Кулешова в своей книге *Культурный ландшафт как объект наследия*, посвященной роли культурных ландшафтов в системе природного и культурного наследия, отмечают, что объекты или участки, включенные в Список Всемирного наследия, должны иметь выдающуюся универсальную ценность, аутентичность и целостность. Выдающаяся универсальная ценность объекта наследия является свидетельством высокой значимости для всего мирового сообщества. *Универсальная ценность* культурного ландшафта может пониматься как наиболее полное отражение взаимодействия природы и человека в конкретном, культурном, историческом и географическом контексте. Что касается *аутентичности и целостности* участков наследия, являющихся обязательными критериями соответствия статусу памятника Всемирного наследия, то они дополняют критерии универсальной ценности: аутентичность («достоверность, подлинность, сохранённая «чистота происхождения») дополняет ценности культурного наследия, между тем как целостность («системное единство, сохранность и завершенность») дополняет природное наследие. (Веденин и Кулешова 2004: 21-24.)

Тапио Хейккиля, финский биолог, исследовавший феномен ландшафта, утверждает, что многие угрозы направлены как на окружающую среду, так и на культурный ландшафт. Ландшафт может быть уничтожен или с помощью активных мероприятий, или только по причине упущения. Данным угрозам подвержены ценности культурных ландшафтов. Природные и культурные свойства, а также пейзажные свойства ландшафта подвержены многим отдельным и общим рискам. Культурный ландшафт требует заботы для сохранения, то есть непрерывный трудовой вклад. По мнению Хейккиля, основной предпосылкой сохранения культурного ландшафта периферии является жизнеспособная сельская местность, выступающая в состоянии позаботиться о ценностях, связанных с культурным ландшафтом, наряду с рентабельной деловой жизнью села. (Heikkilä 2000: 35.)

В документе ЮНЕСКО выделено три основных категории объектов всемирного наследия: 1. объекты культурного наследия, 2. объекты природного наследия и 3. смешанная группа культурного и природного наследия. В Статье 1 в списке Всемирного наследия дано определение «культурного наследия» и в Статье 2 определено, что такое «природное наследие». В следующей таблице представлены данные типы Всемирного наследия, материал взят из вышеупомянутых статей ЮНЕСКО. Группа «смешанное культурное и природное наследие» состоит из объектов, удовлетворяющих полностью или частично обоим определениям культурного и природного наследия, данным в Статьях 1 и 2 Конвенции. (ЮНЕСКО 2005, www.)

объекты культурного наследия	объекты природного наследия
1) <i>памятники</i> : произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки	1) природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки
2) <i>ансамбли</i> : группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки	2) геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения
3) <i>достопримечательные места</i> : произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии	3) природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты

Так как материалом нашего исследования являются замки и крепости, которые, несомненно, репрезентативно представляют взаимодействия природы и человека в разных контекстах, то мы еще упомянем, какие отдельные объекты отнесены к объектам культурного и природного наследия в обеих странах. Согласно списку Всемирного наследия ЮНЕСКО, в Финляндии существует семь объектов, один из них является объектом природного наследия – Архипелаг Кваркен в Ботническом заливе, и остальные объектами культурного наследия: Погребальный комплекс бронзового века «Саммаллахденмяки», Крепость Суоменлинна в Хельсинки, Старая часть города Раума, Старая церковь в деревне Петяйявеси, Геодезическая дуга Струве (на

территории десяти европейских стран) и Древоперерабатывающая фабрика в Верле. (ЮНЕСКО 2005, [www.](http://www.unesco.org))

Согласно списку Всемирного наследия ЮНЕСКО, в Российской Федерации находится двадцать четыре объекта всемирного значения. К объектам, охраняемым ЮНЕСКО, причислены многие достопримечательности России, среди которых существует пятнадцать культурных объектов: Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры в городе Сергиев Посад, Церковь Вознесения в Коломенском в Москве, Цитадель, Старый город и крепостные сооружения Дербента, Историко-культурный комплекс Соловецких островов, Куршская коса, ансамбль Ферапонтова монастыря, ансамбль Новодевичьего монастыря, Историко-архитектурный комплекс Казанского Кремля, Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников, Исторические памятники Великого Новгорода и окрестностей, Исторический центр Ярославля, Погост Кижы в Карелии, Московский Кремль и Красная Площадь, Геодезическая дуга Струве, и Белокаменные памятники Владимира и Суздаля. Остальные девять объектов – природные: Центральный Сихотэ-Алинь, «Золотые горы» Алтая, озеро Байкал, природный комплекс заповедника «Остров Врангеля», плато Путорана в Сибири, Убсунурская котловина, девственные леса Коми, вулканы Камчатки и Западный Кавказ. (там же, [www.](http://www.unesco.org))

Как мы видим, крепость Олавинлинна и Выборгский замок не включаются в список Всемирного наследия, хотя они, несомненно, удовлетворяют многим критериям объекта Всемирного наследия. Крепость Олавинлинна и окружающее ее пространство классифицируются национальным ландшафтом Финляндии, и она была предложена в список в 20-ом веке (Fort 2008, [www.](http://www.unesco.org)). На наш взгляд, пространство Олавинлинна частично выполняет критерии объекта как культурного, так и природного наследия и, таким образом, его можно считать участником группы «смешанное культурное и природное наследие». Олавинлинна имеет больше признаков объекта культурного наследия. Крепость, построенная человеком, является памятником, ансамблем и достопримечательным местом, но окружающее ее пространство удовлетворяет, по крайней мере, критерию природного достопримечательного места, особенно благодаря озерной системе Сайма. Выборгский замок, по нашему мнению, можно считать объектом в группе «культурного наследия», хотя у него также богатое природное пространство в замковом острове. Однако в Выборгском замке центральным является само замковое сооружение, а не природные элементы. Несмотря на то, что крепость Олавинлинна и Выборгский замок не включают в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, они все же значительные культурные памятники и материальные продукты целенаправленной

человеческой деятельности на своих территориях. Рассмотрим детальнее феномен культурного ландшафта до проведения эмпирического анализа.

2.3. Культурный ландшафт – антропогенный феномен

Культурный ландшафт – это не простой феномен, а *многомерный*, характеризуемый в различных традициях по-разному. Многомерный характер данного феномена возникает в результате междисциплинарных оснований концепции культурного ландшафта. Мы отметили, что ученые, разрабатывающие названную концепцию, не рассматривают ландшафт только в рамках географии как физическое явление, а культурный ландшафт характеризуется, прежде всего, как результат природных элементов и человеческой деятельности. Рассматривая теоретические статьи по этой теме, мы пришли к такому выводу, что присутствие культурного контекста, именно в форме взаимодействия (между природой и культурой), было ведущим фактором в большинстве исследований. Поэтому мы назвали данную главу *Культурный ландшафт – антропогенный феномен*. В этом разделе нам хотелось выявить характерные признаки и методологические особенности названного феномена подробнее в сфере культурной географии, а после того в третьей главе обратить внимание на семиотику культуры, при помощи которой, мы надеемся, мы можем прийти к более глубокому пониманию сущности культурного ландшафта замков и крепостей в туристических публикациях, исследуемых нами. Но рассмотрим сначала антропогенный культурный ландшафт.

В DHG понятие *культурного ландшафта* как основного объекта изучения культурной географии, изучающей пространственные культурные различия и территориальное распределение культур, имеет следующее определение, согласно классическому определению Карла Зауэра (1925), который создал данное научное направление: культурный ландшафт является модифицированной формой природного ландшафта, созданной какими-либо культурными группами. Культура играет роль **агента**, природный ландшафт является **инструментом** или средством, а культурный ландшафт – **результат**, возникший со временем. Согласно DHG, существуют следующие формы, формирующие культурный ландшафт: численность населения; плотность и мобильность; заселение; планировка и структура; промышленность; коммуникация. (2000: 138-139.)

Если мы рассмотрим выше представленное определение Карла Зауэра, мы увидим, какую важную роль в формировании культурного ландшафта играет культура (агент). Природный

ландшафт (инструмент) является основой, на или посредством которой строится культурный ландшафт (результат). Отсюда можно сделать вывод о том, что роль человека как представителя/деятеля культуры очень важна. Отсюда следует ввести еще новое направление в изучении культурного ландшафта – этнокультурное ландшафтоведение, объектом которого является антропогенный культурный ландшафт. Согласно О.А. Ливинской, антропогенный ландшафт состоит из следов исторического развития и культуры древних жителей, а также из особенностей взаимодействия жителей с природной средой. Поэтому некоторые ученые культурные ландшафты, в которых подобные элементы сохранились и играют в их пространстве значительную роль, относят к территориям и культурного, и природного наследия. Завоеванные человеком ландшафты представляют собой продукт истории жителей и их материальной и духовной культуры. (Ливинская 2012, www.) Культурный ландшафт как антропогенный феномен – это материальное выражение, изменяемое людьми, в контексте замков и крепостей; правители, владельцы, (древние) жители, посетители и т.д.

Ранее в этой главы было обозначено, что такое ландшафт, что означают понятия природного и культурного ландшафта и чем они отличаются друг от друга. В этой главе было представлено еще одно понятие – антропогенный ландшафт. Мы заметили, что культурный ландшафт является всегда антропогенным. Далее в этой главе мы попытаемся углубиться поглубже и представим пространственно-временное измерение культурного ландшафта. Так как исследование культурного ландшафта является, как правило, междисциплинарным, мы будем рассматривать различные научные подходы, при помощи которых можно рассмотреть многомерные временные и местные аспекты в культурном ландшафте. На основе этих культурно-географических взглядов, представленных в этой главе, будет образоваться первый код для анализа – это *пространственно-временный код*. Рассмотрим многомерный характер исследуемого нами феномена.

Многомерность культурного ландшафта в этом разделе анализируется посредством метода П.Т. Карьялайнена. Согласно Карьялайнену (Karjalainen, Raivo 1999: 23), существует три аспекта, с помощью которого можно исследовать феномен культурного ландшафта: ландшафты земли, души и языка. Мы будем кратко рассматривать каждый из них, но в нашем культурно-семиотическом исследовании сконцентрируемся особенно на третьем аспекте (у Карьялайнена). Мы выбрали именно эту теорию, потому что разработанные им аспекты не являются конкурирующими, иными словами, они не исключают друг друга, а скорее взаимно дополняют друг друга, подчеркивая тем самым целостный характер культурного ландшафта.

Первым из аспектов Карьялайнена является «**ландшафт земли**» – объективная точка зрения. Согласно данному аспекту, интерпретация объективного ландшафта основывается на определениях Й. Гранэ и Карла Зауэра. (Karjalainen, Raivo 1999: 23-24.) Основоположник финской географии Й.Г. Гранэ опубликовал свое методологическое исследование «Puhdas maantiede» в 1930-ом году. В нем Гранэ подчеркивает, что характер ландшафта заключается в том, что ландшафт – часть эмоционального пространства, являющегося исследовательским материалом географии. Хотя границы эмоционального пространства человека формируются с помощью зрения и его временные рамки основываются на продолжительности жизни человека, данное чувствительное пространство является, в основном, естественнонаучным комплексом. (Granö 1930: 7.) Согласно классическому определению Карла Зауэра (см. 2.2. настоящей работы), ландшафт является материальным выражением человеческой деятельности. Ландшафт характеризуется как объективный; его можно исследовать разными физико-географическими инструментами. Нематериальные смыслы (следовательно, символическая часть ландшафта) не относятся к объективному аспекту, с помощью которого рассматривают ландшафт. (Karjalainen, Raivo 1999: 24.)

Когда ландшафт изучается только через объективный аспект, возникают философские затруднения: существует ли вообще такая «объективная» реальность, окружающий нас мир, есть ли такое «чистое» познание человека, с помощью которого было бы можно полностью постичь тот «реальный и объективный» мир? То, что окружающий нас мир доступен пониманию человека, – иллюзия. Люди все же субъекты, ведущие наблюдения, и этого факта мы не можем не принимать во внимание. Ландшафт является всегда наглядным объектом для человека. В узком смысле ландшафт – это увиденная природа перед нашими глазами, но было бы упрощением ограничивать феномен ландшафта только внутри рамок объективизма, хотя существовал бы такой окружающий нас мир. Все, что говорится о природе, – субъективные определение, оценивание или интерпретация. Представления, сформированные в нас о ландшафте, тесно связаны со временем, с эпохой. Следы прошлого видны в культурном ландшафте, и они также отсылают нас к прошлому.

Замки и крепости являются, с одной стороны, историческими монументами, напоминающими о далеком прошлом и исторических эпохах, личностях и событиях, а с другой стороны, они являются часто посещаемыми местами туристов, и значит, укрепления все еще продолжают свои жизни в форме разных событий. В замке Олавинлинна, например, каждый год организуется оперный фестиваль, там также организуются многочисленные выставки. Замки и крепости, используемые раньше для обороны и защиты страны, являются теперь, конечно,

очень интересными местами для туристов, которые ищут сильные впечатления о событиях прошлого. Один хочет найти волшебную и романтическую атмосферу сказочного замка, а у другого – желание ощутить атмосферу давних военных времен внутри крепостных стен. Посетители крепостей хотят наслаждаться духом прошлых времен. Это стремление к воссозданию прошлого и желание вернуть прежнее положение называется ностальгией.

Прежде чем мы рассмотрим следующий аспект подробнее, нам полезно показать, какой важный фактор влияет на рождение ностальгии, – это память нации, одно из временных измерений культурного ландшафта. Петри Райво в статье *Historialliset maisemat ja maantieteellinen muisti* (Mäntysalo 2004: 160.) утверждает, что у исторического ландшафта есть и материалистическая, так и символическая часть. Материалистическая часть содержит следы физического прошлого, а символическая часть включает в себя те значения, мифы и ценности, которые ассоциируют с ландшафтом и его историей. Таким образом, историческое местоположение является также ландшафтом памяти, насыщено историями и символами прошлых времен. Исторические интерпретации и те значения, которые приданы ландшафту теперь, сформированы через непрерывный процесс принесения, упрочения и репрезентации представлений.

Итак, второй аспект интерпретации ландшафта в теории П. Карьялайнена является субъективным. Название аспекта – **«ландшафт души»**. Кроме объективного аспекта, ландшафт имеет и субъективный смысл, потому что его понимают не только объективно как естественную реальность, но также субъективно – как реальность, имеющую множество культурных значений. Несмотря на то, что ландшафт является в этом случае также наглядным объектом и одним измерением чувствительного пространства, человек со своими восприятиями является свидетелем, без которого ландшафт даже не существует. Субъективность ландшафта, иными словами, имеет в виду то, что глаз наблюдателя придает ландшафту культурное значение, формируемое в мыслях каждого человека. У ландшафта есть биографический характер: память и чувства каждого человека – исключительные инструменты, которые моделируют субъективный образ ландшафта. Это называют топофилией – эмоциональное переживание ландшафта и местности. Поминание является передвижением в поле целостности времени и места, где между внешним и внутренним ландшафтом постоянно возникает диалогическое отношение. (Karjalainen, Raivo 1999: 26-27.)

Важно подчеркнуть то свойство культурного ландшафта, что образ его всегда субъективен; каждый человек видит мир сквозь «очки», позволяющие фильтровать те элементы, при

помощи которых человек создает свою неповторимую картину мира. На наш взгляд, весьма важно задуматься, в какой мере индивидуальный субъект сам влияет на создание своего представления о мире, а в какой степени он только реагирует на стимулы, сформированные под влиянием культурного контекста. Ответить на этот вопрос, по крайней мере, непросто. Кажется, что индивидуальные наблюдения человека и культурная память коллектива совместно изобретают субъективные смыслы человека в сознании его. С помощью субъективных свойств и влияния культурной среды человек воспринимает, оценивает и, наконец, интерпретирует наблюдаемые им ландшафты. Было бы очень интересно в будущем более досконально исследовать, в каком масштабе культурный контекст и существование коллектива в виде памяти нации влияют на процесс формирования внутреннего ландшафта человека, но в этом исследовании мы не обсуждаем этот вопрос, а стремимся определить, какие пространственно-временные значения представлены в наших исследовательских материалах и какой культурный ландшафт формируется на основе данных значений.

Британский географ Дорен Массей исследовала проблематику времени и местности в своей антологии статей *Samanaikainen tila*. Массей упоминает, что человеческие средства познания окружающего мира и его описания называются «нашим географическим миром фантазии», который помогает нам определить и свое, и место других людей в мире. Согласно точке зрения Массей, настоящее определение является непрерывным процессом: картины мира, созданные в мыслях людей, формируют новые границы познания мира и позиции «наших» и «чужих». Такие новые картины снова и снова воспроизводятся, регенерируются. (Massey 2008: 102.) Позицию «наших» и «чужих» и понятие границы мы подробнее рассматриваем в следующей главе о семиотике, но в этом культурно-географическом контексте важно заметить, что культурные ландшафты определяются в качестве границ культурной идентичности. Мы имеем в виду, что культурные ландшафты как субъективные картины мира человека, модифицирующиеся снова и снова, отражают процесс культурной идентичности, который основывается на разделении «своих» и «чужих». Роль субъекта в формировании и регенерации культурных ландшафтов – центральная. Представители культуры также определяют, какие характерные признаки ландшафтов являются материальными выражениями своей культуры внутри нее, и какие – снаружи культуры.

Третий аспект в теории П. Карьялайнена, с помощью которого можно изучать ландшафт, – «**ландшафт языка**», репрезентативный аспект. Согласно классификации аспектов рассмотрения ландшафта, придавать значение ландшафту является, без исключения, контекстуальным явлением по своему характеру. С точки зрения постмодернистской

культурной географии, ландшафт как элемент реальности является картиной: мы смотрим на ландшафт перед собой так, как будто он был бы вне нас, хотя мы переживаем только внутреннюю ментальную репрезентацию его. Ландшафт можно «прочитать» как «внутренний» текст. Ландшафт – система знаков с собственными значениями, соответствующими взаимопониманию между людьми в культуре. Культурный контекст определяет конкретное сообщение ландшафта, например, каков идеальный образ его. (Karjalainen, Raivo 1999: 27-29.) Через изучение ландшафта с семиотической позиции в нашей дипломной работе становится понятным, что ландшафт является феноменом, тесно связанным с контекстом. В литературных материалах контекстуальность может выражаться в форме интертекстуальности. Когда говорят о контекстуальности ландшафта или интертекстуальности описаний о ландшафте, то подразумевается, что ландшафт всегда связан с другими ландшафтами, как значения его связаны с другими значениями ландшафтов.

Многомерный образ ландшафта формируется через различные ландшафтные аспекты, представленные выше. Как мы уже отметили, названные аспекты дополняют друг друга. В исследовании П.Т. Карьялайнена значение названных аспектов ландшафта подытожено так: ландшафт является одновременно и формами земли, внутренними смыслами души и значениями, созданные языковыми способами. С помощью объективного аспекта, «ландшафта земли», можно ответить на следующий вопрос: какие физические формы ландшафт имеет в сознании человека, между тем как субъективный аспект, или «ландшафт души», рассказывает, какие внутренние смыслы, основанные на человеческом опыте, существуют не в прикосновенной природе, а внутри нашего сознания. Репрезентативный аспект, или «ландшафт языка», является ответом на вопрос о семиотических структурах ландшафта: какие могут быть интерпретации ландшафта в форме репрезентации. (Karjalainen, Raivo 1999:29.) В контексте нашего исследования мы имеем ввиду следующее: какой культурный ландшафт формируется на основе культурных репрезентаций, представленных в наших материалах, о замках и крепостях.

При выполнении первых поставленных задач, мы пришли к таким выводам: 1) ландшафт – это визуально-территориальная система, состоящая и из природных и культурных элементов и формирующаяся в сознании человека, она проявляется в культурном образе; 2) не вполне ясная граница между природным и культурным ландшафтом строится на основе природных и культурных элементов; 3) природный ландшафт является пространственной геосистемой, формирующейся под влиянием природных процессов, а в культурном ландшафте всегда видна деятельность человека; природный ландшафт преобразуется в культурный именно под

влиянием человеческой деятельности; 4) культурный ландшафт – многомерный антропогенный феномен. Кроме того, что культурный ландшафт возникает из взаимодействия процессов природы и человеческой деятельности, человек как культурный деятель формирует, регенерирует и оценивает культурные ландшафты; 5) пространственно-временный код, созданный на основе теории П.Т. Карялайнена, будет использован нами в применении к эмпирическому анализу (начиная с главы 4). Этот код – первый аналитический инструмент в нашем исследовании. Чтобы достичь поставленной цели дипломной работы – выявить репрезентации времени и пространства в формировании культурного ландшафта замков и крепостей в рамках туристических проспектов в период с 1923 по 2005 гг. – нам необходимо рассмотреть второй полезный инструмент для нашего анализа – семиотику культуры. Далее в следующей главе мы обсудим семиотические методы, используемые нами, наряду с теоретическими данными, в ходе эмпирической части нашей дипломной работы (главы 4 – 6), и расскажем, как культурно-семиотический метод может быть применен к анализу культурного ландшафта Выборгского ландшафта и крепости Олавинлинна.

3. Семиотика культуры - интерпретации окружающего мира

В данной главе рассматривается теоретическая основа нашей работы и те семиотические методы, которые будут использованы в ходе анализа. Главной задачей нынешней главы является рассмотреть семиотику и культурную семиотику как методы нашего исследования. Публикации или тексты, рассказывающие об исследуемых нами замках, использованы как эмпирический материал данного исследования. Эти тексты частично моделируют и регенерируют культурный ландшафт названных крепостей. Чтобы достичь целей нашего анализа, необходимо рассмотреть конкретные задачи, с помощью которых мы можем описывать, какой культурный ландшафт формируется на основе текстов, рассказывающих о крепостях. В качестве основных стоят следующие задачи в нашем исследовании: во-первых, нам полезно определить те научные направления, по которым можно охарактеризовать содержание и структуру текстуальных материалов, чтобы получить эмпирические данные, а во-вторых, описать культурный ландшафт замков и крепостей как результат нашего семиотического анализа. Иначе говоря, мы будем в этой главе рассматривать, какими разными способами культурный ландшафт может быть «прочитан» как текст или как знаковая система. «Текстовая» интерпретация ландшафта – характерная исследовательская модель, предложенная школой культурной семиотики, которая рассматривает объект с такой позиции: ландшафт может быть интерпретирован и изучен с помощью разных знаков, символов, кодов и метафор.

Наше исследование относится к качественным исследованиям. Для качественного исследования характерен индуктивный, или индуктивный метод, который значит, что исследователь делает выводы от частных фактов к общим выводам об исследуемом явлении. Так как культурные темы играют такую большую роль в нашей работе, мы выбрали качественное исследование на месте теории. Наша работа – это одна из историй в группе рассказов и описаний этих крепостей, и поэтому характер нашего исследования является нарративным. Для решения вышеупомянутой задачи, кроме качественного метода, мы используем семиотический анализ. Семиотику мы будем обсуждать отдельно в следующих разделах. Наши исследовательские материалы будут показаны в главе 4.1. до самого анализа.

В качестве источников этой главы мы будем использовать: статья «Sanoma valokuvassa» Р. Барта (1961), «Merkkien kieli: johdatus viestinnän tutkimiseen» Дж. Фиске (2000), «Johdatusta

semiotiikkaan: Esseitä taiteen ja kulttuurin merkkijärjestelmistä» Э. Тараста (1990), «Merkkien maailma: kirjoitelmia semiotiikasta» Ю. Лотмана (1989) и следующие статьи из интернета: «Стратегии прочтения текста культурного ландшафта» (2009, www), «Семантика культурного ландшафта» О.А. Лавреновой», и «Venäläisen kulttuurin semiotiikka: keskusta ja periferia» Т. Хуттунена (2012). При помощи названных источников первом разделе *Семиотика* мы рассмотрим направление семиотики и определяем такие центральные понятия, как знак и знаковые системы. В разделе *Культурная семиотика* мы описываем теорию культурной семиотики и концентрируемся особенно на понятие семиосферы Ю. Лотмана. В последнем разделе *Критика семиотического анализа* мы рассматриваем и устанавливаем, какие проблемы могут существовать в ходе семиотического анализа, и описываем те трудности, с которыми мы встречались в течение нашего исследования.

3.1. Семиотика

Семиотика – это научная дисциплина, изучающая знаки, знаковые системы, а также их создания и употребления. В сфере западной культуры исторические корни дисциплины уходят в античную философию, но, начиная с 60-х годов, поле научной дисциплины было расширено, а семиотика стала рассматриваться в качестве международного исследовательского направления. Термин, являющийся синонимом семиотики, *семиология*, употребляются, прежде всего, на языковой территории романских языков. Однако слово *семиотика*, использованное в англосаксонском мире, стало общераспространенным во всем мире. (Tarasti 1992: 5.) Согласно Джону Фиске (Fiske 2000: 66.), существует две основные традиции науки о знаках: философская точка зрения Ч. Пирса и лингвистический подход Ф. де Соссюра. По мнению Эро Тараста (Tarasti 1992: 10), занимающегося проблемами семиотики в Финляндии, упрощенно можно сказать, что два разных взгляда на семиотику формируют европейскую (Соссюр) и американскую (Пирс) точки зрения.

Поскольку наша работа является семиотической, и семиотика изучает знак и знаковые системы, мы обратим также внимание на то, что означает термин знак. По словам Ольги Лавреновой, основная функция знака – коммуникативная. Так называемые культурные знаки имеют культурный компонент в денотативной или коннотативной части знака, но в культурном ландшафте семиотические формы имеют культурный компонент, главным образом, в денотативной части составляющей. Содержание знаков в качестве информационного образования является частью культурного ландшафта. (Лавренова 2010,

www.) Понятия *денотация* и *коннотация* – термины французского семиолога Ролана Барта, который создал их в теории означивания. Следует различать понятия денотация и коннотация. Названные термины моделируют уровни значения. Согласно Роланду Барту, существует два уровня значения: денотация, который находится в первом уровне, является общепринятым и буквальным значением знака, а коннотативное значение, находящееся во втором уровне, проявляется, когда субъект в роли интерпретатора связывает свои личные чувства и культурные цели с интерпретацией. (Barthes 1961: 122-123; Fiske 2000: 113-115.)

Согласно Джону Фиске (Fiske 2000: 62.), под термином *знак* в семиотике понимается физический и чувственный объект, который представляет какие-то другие предметы. Следует отметить, как замечает Эро Тараста, что семиотика изучает не только отдельные знаки (например, дорожные знаки), различные системы сигналов или даже такие комплексные знаки, как художественные произведения, толкования юридических или библейских текстов. В семиотике изучают не одни лишь рекламы, одежду, еду, церемонии, археологические находки, но также и впечатление знаков в сознание человека и то, как люди делают работу мысли при помощи знаков. (Tarasti 1992: 5.) Существуют некоторые факторы, которые играют существенную роль в сознании наблюдателя, интерпретируя знаки, такие как: окружающая культурная среда, память, индивидуальные и коллективные ценности, с помощью которых человек рассматривает и оценивает окружающий мир. В нашей дипломной работе мы попытаемся прочитать культурный ландшафт как текст, состоящий из различных значений, связанных либо с природой, либо с культурой. Посредством семиотического анализа мы стремимся разделить природные и культурные элементы в семиотическом поле культурного ландшафта Выборгского замка и крепости Олавинлинна.

Итак, характер знака заключается в том, чтобы он репрезентирует какую-то вещь. Наверное, необходимо кратко определить, что мы имеем в виду под «репрезентацией», потому что названное понятие для нас один из центральных исследовательских терминов. *Репрезентация* – это процесс, при помощи которого культурные субъекты используют язык для производства значений. Реальность, без исключения, репрезентирована; не существуют никакой видимой реальности вне нашего наблюдения, как и не существует ни чистого, неприкосновенного ландшафта, как мы уже говорилось выше (см. 2.1), потому что человек не может избежать своих чувственных восприятий или оставить их без внимания. Когда мы говорим о репрезентациях, важно отметить, что репрезентация является всегда вторичным повторением, некой второй версией, и поэтому она никогда не может быть полной, совершенной копией. Контекст или время и место влияют на то, насколько успешной является репрезентация. В

данном случае мы сталкиваемся с проблемой измерения: как измерять – успешна репрезентация или нет? Чаще всего, нет никаких определенных и достоверных способов, потому что это спорный феномен, толкуемый разными исследователями по-разному.

3.2. Культурная семиотика

Семиотика культуры исследует взаимовлияние разных по строению семиотических систем, внутреннюю неправильность семиотического пространства и потребность культурной и семиотической многоязычности (Lotman 1989: 151). Согласно Э. Тарасты, культурная семиотика исследует семиотическую ситуацию, которая возникает истинно в результате встречи двух культур. В таком случае процесс коммуникации между различными культурами имеет большое значение и тогда необходимо спросить: с помощью каких кодов и знаковых систем передается информация от одной культуры к другой. (Tarasti 1992: 8-9.) Семиотическое поле культурных ландшафтов Выборгского замка и крепости Олавинлинна образуется на основе двух противоположных культур – Восток (Россия) и Запад (Швеция, Финляндия). Так, в нашей дипломной работе мы будем анализировать семиотическую ситуацию, возникающую в результате встречи восточной и западной культур. Как мы уже отметили, информация между двумя культурами передается при помощи кодов, один из которых пространственно-временный код, представленный в предыдущей главе. Согласно Дж. Фиске и Т. Хуттунену (Fiske 2000: 69; Huttunen, www.), культура может определяться с точки зрения семиотики как самоорганизующаяся информационная система, имеющая совокупность характерных признаков процесса, в котором порождаются значения. Данный процесс, меняющийся во времени и определяющийся человеческой деятельностью в ландшафте, называется семиозисом. Семиозис связан с системой культурных ценностей.

Понятие текст нам важен, потому что один из наших исследовательских методов – это стратегия «прочтения» культурного ландшафта как текста. В своей статье *Стратегии «прочтения» текста культурного ландшафта* Ольга Лавренова (2009: 131) утверждает, что культурный ландшафт представляет собой знаковую систему и поэтому его можно рассматривать как текст, доступный для прочтения. Лавренова пишет, что, когда исследуют семантику культурного ландшафта именно с точки зрения текстовых характеристик, надо обязательно учитывать отношения между топонимами-знаками посредством «фильтрации». С помощью «фильтрации» можно отобрать часто повторяющиеся и наиболее распространенные значения, чтобы получить информацию, каким способом происходит взаимное восприятие

территориальных единств определенных мест или регионов. (Лавренова 2009: 138.) Культура отображает свои контекстуальные идеалы в форме описания культурного ландшафта, и «фильтрация» является один из способов для выявления наиболее повторяющихся значений в материалах, образующих культурный ландшафт. Отсюда мы можем создать второй код – контекстуально-повторяющийся код – с помощью которого мы будем анализировать наши материалы в эмпирической части нашего исследования.

Опираясь на мысль Лавреновой, которая полагает, что локальные культурные ландшафты (микрореография), по сравнению с более широкими культурными ландшафтами (в масштабе всей России), читающимися в соответствие с национальной историей, интерпретируются в соответствие с местной историей. Ландшафты-тексты может быть прочитаны в ключе локального и регионального уровня. (Лавренова 2009: 139.) В ходе анализа мы будем анализировать культурные ландшафты крепости Олавилинна и Выборгского замка, в основном, в ключе локального уровня, потому что замки, находящиеся в одном месте, является, естественно, локальными предметами. Согласно Лавреновой, сущность метода стратегии «прочтения» текста заключается в возрождении культурных метафор «мир – книга» и «книга – икона мира». Человек набрасывает смысловую сеть на ландшафтные элементы и создает иной мир по качеству, который полон смыслов и символами. Это мир, структурированный и текстуализированный культурой. С прочтением текста человеку можно открывать и генерировать самому совсем новые значения, рождаются новые знаковые системы со свойствами интерактивности, направленными либо внутрь текста, либо вовне. (Лавренова 2009: 139.)

Члены Тартуско-московской семиотической школы, трактующие культуру как генератор структур, сравнивают этот генератор с системой биосферы; генератор структур создает вокруг человека атмосферу, которая является предпосылкой социальной жизни, как биосфера является предпосылкой биологической жизни (Tarasti 1992: 35). Этот генератор называют семиосферой, которая является основным объектом исследования культурной семиотики. Семиосферой, иными словами, является *интерсемиосис*, обозначающий взаимоотношения между языками и культурными текстами. Юрий Лотман, являющийся одним из основателей современной семиотики в рамках тартуско-московской семиотической школы, предложил концепцию семиосферы. *Семиосфера* – это семиотическое пространство, или система коммуникации, вне которой существует культурные признаки, репрезентирующие окружающий мир. Согласно названной теории, семиотическое пространство – переменчивый процесс, который формируется под взаимовлиянием языка, текстов и коммуникации.

Собранные вместе, эти факторы формируют культуру. Семиосфера как последовательность знаков включает в себя доминирующее ядро и динамическую периферию. Ядро, или центр, семиосферы характеризуется устоявшимся, конвенциональным и сильно структурированным образованием, между тем как семиотическая периферия является активной, революционной и слабо структурированной. (Huttunen 2012, www.)

Семиотика ландшафта в Финляндии изучена Э. Тараста. По словам Тараста, ландшафт может быть исследован как некий язык знаков, который основывается на коммуникации между природой и человеком. Семиотика ландшафта предстает как дисциплина, основанная, между прочим, на структуралистском подходе к пространству А.Ж. Греймаса, дополненный Тараста таким способом: природа вокруг нас передает сигнал или информацию, который поступает адресату в роли наблюдателя как опыт, переживание, т. е. ландшафт. Тараста утверждает, что ландшафт как будто говорит человеку при помощи языка ландшафтных знаков. Однако семиотику ландшафта не определяют просто как диалог между человеком и природой, а, кроме этих двух главных элементов, существуют и другие факторы. Например, когда мы рассматриваем субъекта, осуществляющего наблюдение, надо принять во внимание, что не существует никакого идеального индивидуума, вполне изолированного от всякого человеческого сообщества, ведь человек – социальное существо, действующее в рамках коллектива и культуры, то есть обусловленный этими факторами. (Tarasti 1990: 154-156.)

В нашей дипломной работе мы попытаемся выявить, на основании каких кодов образуются культурные ландшафты Выборгского замка и крепости Олавинлинна. Ранее в нашей работе обоснованы особенные коды, при помощи которых можно анализировать наши данные. Эти коды – пространственно-временный код и контекстуально-повторяющийся код. Далее в этом разделе мы попытаемся найти еще один инструмент, с помощью которого можно проанализировать культурный ландшафт замков и крепостей в следующей главе. С этой целью мы вводим понятие *граница* – это центральное понятие в семиотической терминологии. Культурный ландшафт является материальным выражением границы между двумя культурами. По мнению Э. Тараста (там же: 156), культурный ландшафт является той частью природы и культуры, пограничной зоной, которую культура рассматривает в своей сфере, отражая свои структуры и отношения в ней. Отсюда мы создаем третий – пограничный код – посредством которого мы исследуем наши материалы.

Необходимо также объяснять, что означает термин *граница* в семиотике. Согласно Ю. Лотману, граница может иметь государственный, социальный, национальный,

конфессиональный или какой-либо иной характер. Лотман утверждает, что всякая культура начинается с разбиения мира на «свое» внутреннее пространство и «их» внешнее. Пространство определяется, между прочим, «нашим», «своим», «безопасным», «гармонически организованным», ему противоположно «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» пространство. (Лотман 1996: 175.) Доминирующее ядро семиосферы состоит из сильно структурированных элементов, определяющиеся «нашими», а динамическая периферия состоит из слабо структурированных элементов, которые определяются «чужими». Без существования границы не было бы противоположных половин семиотического пространства или даже всякой семиосферы. Граница стремится стабилизировать фиктивную однородность семиотического пространства, которая на самом деле является иллюзией. Культурный ландшафт как граница – это хороший пример того, что семиосфера состоит из двух половин, которые обе нужна. В культурном ландшафте эти половин, ядро и периферия, существуют постоянно в диалоге, на основе которого регенерируется культурный ландшафт снова и снова.

3.3. Критика семиотического анализа

Семиотический анализ не является объективным научным подходом, а наблюдения проведенного анализа всегда контекстуальны. Общественное и социальное пространство, культурные условия, политические и индивидуальные точки зрения наблюдателя, без сомнения, влияют на результаты исследования. Невозможность абсолютной достоверности в качественном исследовании значит, что предлагаемые выводы являются прежде всего интерпретациями исследователя, который читает знаки в рамках своих наблюдений. Так как нематериальные понятия довольно сходные для членов той же самой культуры, говорящих на том же самом языке, как полагает Дж. Фиске (1992: 66), возникает следующая проблема в сфере объективности исследования. В некотором смысле ценностный мир и личные цели исследователи, естественно, влияют на интерпретацию и выводы семиотического анализа. В этом случае исследователь – часть финской культурной среды. Фактически это не проблема, а скорее вызов, который все же надо принять во внимание.

Знаковые системы не могут оставлять без внимания отдельные системы, которые находятся всегда в диалоге друг с другом, в семиотическом пространстве, т.е. составляют семиосферу. Между отдельными знаковыми системами существует нематериальное пространство взаимовлияния (язык) и интертекстуальность (общее свойство их). Все тексты каким-то

образом ссылаются друг на друга, и коренная задача исследователя – локализовать интертекстуальные знаки в семиотических пространствах различных текстов. Более того, проблема семиотического анализа состоит в том, что значения, без исключения, являются контекстуальными. Важный факт, который надо учитывать при критике семиотического анализа. Так как у субъекта есть такое значимое положение в качестве наблюдателя в определении культурного ландшафта, важно отметить, что индивидуальные субъекты различным образом воспринимают знаки и придают им значения. Значения знаков изменяются в зависимости от времени и места, разные культурные пространства влияют на появление новых значений.

В своей работе мы опираемся на семиотический подход, потому что после обоснования методологии нам кажется, что посредством семиотического анализа мы можем достичь хороших результатов. Так как модель семиосферы является довольно абстрактной, мы будем вместе с ней использовать другие семиотические инструменты, чтобы наше исследование имело бы более конкретный характер. Конечно, семиотика является только одним из возможных вариантов рассмотрения темы культурного ландшафта замков и крепостей, но почему мы тогда выбрали названную методику, если принимаем критику во внимание? Основной причиной нашего выбора является то, что мы хотели бы изучать мир, в данном контексте – культурный ландшафт, как знаковое пространство, передающее нам, может быть, иного рода информацию, чем, например, научную географическую или информацию философской ориентации. На наш взгляд, именно в широких рамках культурно-семиотического подхода возможно рассматривать совокупность культурного ландшафта через всестороннее культурное исследование этой темы.

Из всего выше сказанного следует, что в нашей дипломной работе мы будем рассматривать совокупность культурного ландшафта Выборгского замка и крепости Олавинлинна как семиосферу или семиотическое поле, состоящее из культурных значений, где включены разные языки, тексты и представители культуры, т.е. субъекты, определяющие и оценивающие ландшафты в рамках своих личных наблюдений. Таким образом, мы будем использовать представленные выше теоретические данные и методы в ходе эмпирического анализа, потому что эти инструменты вместе, вероятно, дадут нам полезные данные, чтобы выявить структурные элементы культурных ландшафтов Выборгского замка и крепости Олавинлинна.

4. Культурные ландшафты Выборгского замка и крепости Олавинлинна

Применяя методы, описанные в последних главах, мы будем анализировать наши исследовательские материалы в данной эмпирической части нашего исследования, который содержит в себе следующие этапы: работа начинается (в первом разделе) с краткого описания исследуемых материалов и процесса сбора их. Во втором разделе (4.2) мы познакомимся с представленными материалами и сделаем их риторический анализ, затем рассмотрим наши исследовательские понятия «замок» и «крепость», и сделаем их лексико-семантический анализ на основе словарей, играющих роль дополнительного материала исследования, а потом, в главе 5, проанализируем главные наши материалы средствами семиотического анализа. В последней главе мы поразмышляем, какое семиотическое пространство или поле сформировано в культурном ландшафте замков и крепостей, и сделаем выводы в этой заключительной главе.

4.1. Исследовательские материалы

Перед началом сбора материала мы установили, какая информация о замках и крепостях нам нужна, потому что выбор различных данных обширен и интересных вариантов существует столько же, сколько и теоретических подходов, чтобы достичь цели исследования, представленной в введении (глава 1). Отбор и установление рамок исследовательских материалов как первый этап сбора материала важны, чтобы не собирать слишком много таких данных, которые не позволяют получить релевантных выводов, базирующихся на предложенных теоретических методах. Мы установили границы поиска материалов в рамках культурного ландшафта. По нашему мнению, туристические брошюры и другие туристские публикации как продукты культуры, репрезентирующие культуру определенного периода, формируют временную перспективу и отражают культурные процессы в ландшафте замков и крепостей. Чтобы создать пространственно-временный аспект в нашем исследовании, мы сознательно выбрали для анализа тексты, опубликованные за период с 1923 по 2005 г. Исследовательский материал состоит как из финскоязычных, так и русскоязычных публикаций; разумеется, полного хронологического соответствия нет, но мы представляем все материалы, в зависимости от того, какие нам удалось найти.

Как отмечалось во введении, мы выбрали два замка – крепость Олавинлинна и Выборгский замок. После выбора названных замков, нам было необходимо выявить, где можно найти подходящую нам информацию об этих крепостях. Во-первых, мы выполнили поиск исследовательских данных в библиотеке университета города Тампере, но нашли почти только исторические тексты о замках и крепостях. Во-вторых, мы искали исследовательские данные в интернете с помощью поисковых систем Google и Яндекс, обращались в городскую библиотеку Тампере, а также искали в электронных данных финских библиотек, покупали некоторые полезные нам материалы в букинистических магазинах и посылали электронную почту как в Россию, так и в Финляндию, чтобы получить информацию.

Итак, наш исследовательский материал содержит в себе туристические тексты, в частности, путеводители и брошюры по крепостям для туристов. В лексическом анализе в этой главе мы используем некоторые словари (в разделе 4.3). Кроме ниже приведенных материалов о разных крепостях, мы использовали публикацию: Ю.В. Антонова «Замки и крепости Швеции и Финляндии: исторический путеводитель» (2010).

Эмпирические материалы, связанные с крепостью Олавинлинна, таковы: неизвестный автор «*Olavinlinnan opas*» (1923, www); J. Auvinen «*Olavinlinnan opas*» (1948); M. Laamanen & H-L. Prusi «*Olavinlinnan opaskirja*» и, кроме того, дословный перевод последней брошюры на русском языке «Путеводители по крепости Олавинлинна» (оба были опубликованы в 2004 г.). Кроме названных источников, мы используем еще публикацию Туристической Службы Савонлинны «*Finland: Savonlinna*» (годы публикации неизвестны, далее – s.a.), которые мы получили в рамках проекта, основанного на сотрудничестве финско-российской научно-исследовательской работы по развитию ухода за замками и крепостями «От замка к крепости» (название проекта на финском языке – «*Linnasta linnaan*»). В целом, о крепости Олавинлинна у нас есть шесть путеводителей, среди которых один русскоязычный перевод. Путеводителей из них четыре, а кратких брошюр – две. Одной из брошюр является путеводитель по городу Савонлинна, но все остальные посвящены крепости.

Материалы, связанные с Выборгским замком, таковы: «» I. Raekallio «*Wiipurin linna: sen vaiheet ja nähtävyydet*» (1928) и второе издание названной книги в 1993 году; Е.Е. Кепп, проспект: «Выборг» (1989); Л. Петрова «Выборгский замок» (2005). В дополнение к этим источникам, мы будем использовать небольшие буклеты, полученные в рамках вышеупомянутого проекта «От замка к крепости»: К. Шопотов «Государственный музей: Выборгский замок – Тайны морского дна», который является буклетом по экспозиции;

«Путеводитель Выборг» – это публикация Центра сохранения культурного наследия ЦСКН (годы публикации неизвестны, далее – б.г.); и, наконец, музейный блокнот С.А. Абдулиной «Замовенок Выборгский» (2005). О Выборгском замке у нас есть всего восемь путеводителей, из которых шесть русскоязычных. Путеводителей из них три, а кратких брошюр – пять. Три брошюры являются путеводителями по городу Выборг, но остальные рассказывают только о Выборгском замке.

При анализе преимущественно обращается внимание на содержание, но также и на внешний вид представленных выше текстовых материалов. Мы будем использовать методологические инструменты, показанные в первой и во второй главах, как принципы работы с данными по исследуемой теме. В процессе систематизации материалов были сформулированы следующие главные группы, на основании которых осуществляются этапы эмпирического анализа, этапы показаны как заголовки отдельных глав. Во-первых, наш эмпирический анализ состоит из трех частей – риторический, лексический и семиотический анализ. В главу 4 включены риторический и лексический анализ, а в главе 5 мы будем отдельно анализировать наши материалы с точки зрения семиотики, чтобы в последней, заключительной главе из результатов всех материалов можно было сформулировать семиотическое поле культурного ландшафта.

4.2. Риторический анализ текста: романтизированный код

В этом разделе мы будем анализировать наши исследовательские материалы с риторической точки зрения. В риторической части анализа мы попытаемся выявить общую характеристику использованных нами материалов: каковы описания замков и крепостей, какие цели существуют и какие языковые средства неоднократно использованы, чтобы достичь поставленных целей. Иными словами, задача данного раздела – определить основные способы риторической репрезентации замков и крепостей в наших исследовательских материалах. Риторический анализ часто используется как аналитический инструмент речей, но в этом случае в центре нашего внимания находятся тексты. Итак, мы будем использовать риторику для того, чтобы выяснить, каким образом сформировано жанровое пространство замков и крепостей.

В отличие от предыдущего раздела, в этом разделе мы будем детальнее рассматривать наши материалы. Риторический анализ является полезным средством выяснить характер тех имиджей, которые авторам хотелось создать об этих двух крепостях в текстовой форме. В

узком смысле значение какого-либо текста заключается в том, что сообщение передается от источника к получателю и поэтому с самого начала необходимо рассматривать вопрос – кто написал путеводители и кому: кто адресант (источник), а кто адресат (получатель)? После этого мы перейдем к рассмотрению структуры материалов. Как уже отмечено в разделе 4.1, наши материалы – путеводители или туристические брошюры. При решении вопроса об адресате или получателе таких текстуальных материалов легко прийти к заключению. Разумеется, адресатами являются возможные посетители замков или люди, интересующиеся названными достопримечательностями по какой-либо другой причине. Адресанты, в свою очередь, в текстах выявляют тем или иным способом свою позицию, точку зрения. Например, в *Историческом путеводителе*, автор идеи и проекта которого является С.М. Бурьгин, подчеркивая историческую точку зрения, упоминается, что в подобных книгах, «в отличие от обычных путеводителей, они не просто приводят краткие биографические и исторические сведения о стране, местности и ее обитателях, а терпеливо перебирают одно важное событие за другим, объект за объектом, показывая, как из малозначительных на первый взгляд эпизодов строится сама История и приглашая туристов повторить маршруты и посетить места жизни главных героев книги.» (Антонова 2010: 5) Названный путеводитель является научно-популярным изданием, авторы которого – работающие в туристической области люди, но остальные из наших материалов являются так называемыми обычными путеводителями, брошюрами или буклетами, опубликованные национальными музеями, историческими обществами, туристическими бюро или Центром сохранения культурного наследия.

Большинство исследуемых нами текстов – путеводители, являющиеся печатными справочниками. Рассмотрим немного подробнее, почему и зачем тексты написаны. Ведущей функцией туристических брошюр является намерение передать читателям необходимую и дополнительную информацию о достопримечательностях, в данном контексте – о Выборгском замке и крепости Олавинлинна. Информационный стиль возникает, например, в следующих цитатах:

Olavinlinna is the world's most northern medieval stone fortress still standing. St. Olof's Castle was founded in 1475 by Erik Axelsson Tott, a Danish-born knight. The purpose of the castle, which was built upon a small granite island in the Kyrönsalmi Strait, was to repel attacks from the East. Throughout its rich history Olavinlinna was the scene of much fighting, legends of which continue to be told to this day. (Finland: Savonlinna s.a.)

Выборгский замок – единственный в России полностью сохранившийся памятник средневекового военного зодчества. За свою историю замок пережил

несколько *перестроек и пожаров. Окончательный вид*, наблюдаемый сейчас, *сформировался в конце XIX в. Краеведческий музей* расположился в крепости в 1970 г. (ЦСКН б.г.)

В приведенных фрагментах показана информация о замках в контексте исторических событий, месторасположения, нынешней функции и окончательного вида сооружений. В первой цитате репрезентируют средневековую крепость Олавинлинна в защитном смысле. В ней упоминаются легенды, которые все еще продолжают свою жизнь и рассказывается о прошлых нападениях в крепостном ландшафте. Во второй цитате представлен Выборгский замок как прочный памятник, представляющий средневековое военное зодчество. Совершенно очевидно, что общая цель данных цитат – информационная. Функцией информации является привлечь внимание читателей и вызвать интерес к посещению данного места возможными туристами.

Информационный стиль присутствует в показанных примерах. Цель информационного стиля в путеводителях – привлечь читателей к посещению в замки. Средством для привлечения туристов является отмеченное уже в главе 2.4 «стремление к воссозданию прошлого» при описании информации: замки представлены романтизировано, как будто взятые из средневековья. Отсюда вытекает, что информационный стиль имеет описательный характер. Средневековье напоминает нам о богатых событиях прошлых временах: рыцари, красивые аристократки, запретная любовь и сильные дуэли. В некоторых путеводителях (прежде всего, в более старых по году опубликования) представлены легенды, отражающие мифическую, сказочную сторону замков и крепостей. Интересно то, что хотя в интернете можно найти многочисленное количество легенд о Выборгском замке, в наших русскоязычных печатных материалах не встретилось ни одной легенды, напротив – в финскоязычных материалах упоминалось много легенд, хотя в интернете находится значительно меньше легенд о крепости Олавинлинна или вообще о финских замках, чем на русском языке о русских крепостях.

Наглядными примерами являются финскоязычные тексты, в первом из них представлена легенда *Адский котел*, рассказывающая таким образом о событиях «Выборгского грома»:

Mutta kosketelkaamme lopuksi vielä erikoisesti itse «pamausta», josta kertovat tarinat niin runsaasti ovat askarruttaneet kansan mielikuvitusta. Ne tietävät Knut Possen yllämainitun piirityksen aikana «helvetin kattilassa» keittäneen ihmeellisen seoksen kilpikonnista, käärmeistä, elohopeasta, lipeästä ja kalkista. Keitoksen valmistuttua hän oli käskenyt Viipurin varusväen piiloutua kellareihin ja maanalaisiin holveihin sekä tukkia korvansa. Eräs vanha mies oli sitten sytyttänyt liemen tuleen. (Raekallio 1928 & 1993: 60-61.)

Во втором примере представлена крепость Олавинлинна как место погребения в крепостной стене дочери коменданта:

Sen mukaan pihlaja kasvaa muuriin elävänä haudatun linnan neidon sydämestä ja saa elinvoimansa hänen verestään, joka pisaroina kumpuaa esiin sen punaisissa marjoissa. Miksi neito muuriin haudattiin, siitä antavat tarinan useat toisinnot erilaisia selityksiä. Erään kertomuksen mukaan hänet tuomittiin tähän julmaan rangaistukseen kavalluksesta syytettynä, mutta viattomana. Tarinan toisen muunnoksen mukaan neito kätettiin turvaan viholliselta, mutta hän menehtyi muurin sisään, sitten kun ainoat piilopaikan tienneet henkilöt olivat kaatuneet taistelussa. (Auvinen 1948: 18.)

С одной стороны, в вышеупомянутых примерах на денотативном уровне существуют романтизированные сказки для взрослых, но, наверное, и для детей также, которые как будто отсылают читателя к прошлому. В легендах представлены всемогущий мужской герой, невинная молодая женщина, сильные страсти, борьба и запретная любовь. Весьма стереотипичные значения, не правда ли? Но, с другой стороны, на коннотативном уровне в цитированиях можно обнаружить патриархальные ценности и приемы применения власти. Семиотическое значение легенд в туристических публикациях проявляется в описательном характере текстов. Легенды создают свою собственную культуру, свой мир, являющимися непохожими на реальность, но выступающими интереснейшим элементом в путеводителях, что отчасти аналогично сказкам. Путеводители в форме описания предлагают нам определенные завлекающие моменты, которые нам хотелось бы самими испытать, получить. Яркими примерами «стремления к воссозданию прошлого» является либо посетители, которые хотят вернуться на арену военных событий, либо те путешественники, которые хотят вдохнуть воздух прошлых времен с верой в сказочные описания. Одно чувство объединяет посетителей – это тоска по прошлому (ностальгия), которая относится к области эмоциональных переживаний.

В наших материалах у сказок важное значение в развитии эмоционального стиля описания, например, в форме романтизированных легенд. Несмотря на то, что в наших русскоязычных данных не представлены древние легенды, но в ниже приведенном кратком примере представлен Выборгский замок и, в частности, один весьма интересный вымышленный персонаж – Замовенок, являющийся персонаж Государственного музея «Выборгский замок», созданный для детей-посетителей. Все, наверно, знают мифического домашнего духа домового или домовенка, на котором и основываются придуманный персонаж замовенка. Посмотрим, что сам Замовенок рассказывает детям:

Здравствуйте, *девочки и мальчики!* Я уже больше 700 лет живу в замке, и поэтому зовут меня Замовенок, а фамилия Выборгский. Правда, *красиво?* Я здесь самый старший и *знаю все про ваш город.* Я рассказал *по секрету все его тайны* очень добрым людям, которые теперь работают в замке, а они *по большому секрету* рассказывают вам и показывают много интересного. Если что-то забывают, я *тихонько подсказываю.* Но чаще днем я все же сплю. (Абдуллина 2005: 3.)

В этом примере эмоциональный стиль описания ясно виден в образе сказочного героя. Выборгский замок в мире всезнающего Замовенка представлен как сказочный замок. В примере дважды упомянуты рассказанные детям *секреты*, на которых строится процесс привлечения детей-посетителей. В текстах о крепости Олавинлинна нет такого же персонажа, как Замовенок в Выборгском замке.

В данной главе представлена первая часть эмпирического анализа нашей дипломной работы. Суммируя наши наблюдения над материалами, можно прийти к следующим заключениям: самой важной функцией туристических публикаций является передача информации. Анализируя наши материалы в сфере информационного стиля текста центральными элементами являлись описательное и эмоциональное значения, которые вызывают у читателя чувства ностальгии и стремление к воссозданию прошлого. Отсюда можно сделать вывод о том, что стилистическое пространство замков и крепостей в семиотическом поле образуется в результате взаимовлияния субъективного желания и романтизированного взгляда на прошлое.

4.3. Лексический анализ: исследовательские понятия «замок» и «крепость»

В нашей дипломной работе мы будем использовать термины *зámок* и *крепость*, которые являются общеупотребительными и в русском, и в финском языках, но тем не менее нам следует выявить терминологическую специфику каждого из них, чтобы признать правомерность их употребления в нашем исследовании. Для обозначения укреплений используются разные термины: в финском языке *linna* и *linnoitus* – это однокоренные слова, в русском *зámок* и *крепость* – разнокорневые. Поэтому сначала мы определим семантическую и смысловую разницу между этими терминами как в русском, так и в финском языках.

Итак, рассмотрим центральные понятия настоящей работы – русские термины *замок* и *крепость*. Хотя данные слова не являются полными синонимами, их часто употребляют в том же самом значении. Мы рассмотрим сходства и разницу между этими терминами подробнее. Для анализа русскоязычных терминов мы используем «Большой толковый словарь русского языка» (гл. ред. С.А. Кузнецов) (1998 – далее БТС) и следующие специализированные онлайн-

словари: «Архитектурный словарь» (далее АС) и «Исторический словарь» (далее ИС), а для анализа финскоязычных терминов мы используем следующие словари: «Большой финско-русский словарь» (Под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало) (2007 – далее БФРС), «Kielitoimiston sanakirja» (гл. ред. Э.-Р. Гренрос) (2006 – далее KTS), «Nyky-suomen sanakirja» (гл. ред. М. Садениemi) (2002 – далее NSS) и «Synonyymi-sanasto» А. & П. Лейно (2001 – далее SS). Привлечение такого достаточно обширного количества словарей, по нашему мнению, необходимо для того, чтоб показать специфику использования и интерпретации указанных терминов в разные сферы научного знания.

Выделим основные смысловые элементы данных понятий. Ключевые элементы выделены нами жирным шрифтом.

*Зáмок*¹, -мка; м.: 1) дворец и **крепость** феодала. *Средневековый замок*. 2) О **дворцах**, больших зданиях **затейливой** архитектуры. *Петровский з.* 3) О **тюрьме**, остроге. *Литовский з. Выборгский з.* (БТС 1998: 333.)

В ИС слово *зáмок* сопровождается большой энциклопедической информацией: «укрепленное **жилище** феодала. В Европе, на Ближнем Востоке, Кавказе, Средней Азии возводились в хорошо **защищенных** местах: главная башня (донжон, кёшк) окружалась валами, рвами, стенами. Суровые, мощные З.[амки] с XI—XII вв. становятся более **живописными**, свободными по планировке. С XIII—XIV вв. превращаются в сложные комплексы **построек** и, наконец, в дворцовые **ансамбли**.» (ИС, www.) Итак, в ИС приведена история формирования и развития понятия *зáмок* с древности до конца средних веков.

В АС понятие *зáмок* имеет следующее определение: «укрепленное **жилище** феодала. Ранние замки имели суровый облик благодаря глухим **мощным стенам**, рассчитанным на длительную **оборону**. С переходом к тактике активной обороны на стенах и башнях появляются машикули для навесной стрельбы. В XIII – XVI вв. замки превращаются в сложные комплексы **оборонительных, жилых, культовых и хозяйственных** сооружений, образующие целостные **ансамбли**. Их облик обогащается аркадными галереями (главным образом во внутренних дворах), эркерами, многообразными башнями с нарядными завершениями. С развитием артиллерии **замок утрачивает значение крепости**, в его композиции главную роль начинает играть дворцовое здание. Признаки замковой архитектуры сохраняются, но отделка башен, зубчатых стен с бойницами приобретает все

¹ В БТС слово *зáмок* имеет омоним *замóк*, но мы проанализируем только понятие с ударением *зáмок*.

более **декоративный** характер. В дальнейшем замки вытесняются городскими и загородными дворцово-парковыми комплексами.» (АС, www.) Здесь интересно то, что анализируется динамика понятия: от первоначального использования *зámка* именно как *крепости* – к *дворцу* и загородной *резиденции*.

Следовательно, когда мы сравнили разные словари, то мы увидели, что в ИС и АС дается история развития понятия, а в БТС дано только современное употребление в языке. Интересно то, что в БТС слово *зámок* объясняется через слово *крепость* только в первом значении – средневековая крепость; в русском языке синонимия терминов *зámок* и *крепость* наблюдается преимущественно в исторической перспективе.

Покажем центральные смысловые элементы терминов в таблице.

	БТС	ИС	АС
<i>зámок</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. крепость 2. дворец 3. тюрьма 	<ol style="list-style-type: none"> 1. укрепленное жилище 2. защищенное место 3. живописная планировка 4. сложный комплекс построек 5. дворцовый ансамбль 	<ol style="list-style-type: none"> 1. укрепленное жилище 2. мощные стены 3. с целью обороны 4. сложный комплекс оборонительных, жилых, культовых и хозяйственных сооружений 5. замок утрачивает значение крепости 6. декоративный характер 7. городской и загородный дворцово-парковый комплекс

Как мы видим, в ИС и АС объяснения терминов близки, отличие больше касается специфики словарей: в АС дается более детальное архитектурное объяснение термина *зámок*, но в ИС и АС не говорится о специальном использовании слова *зámок* в значении «тюрьма» (в отличие от БТС).

Теперь рассмотрим основные смысловые элементы понятия *крепость* в разных словарях.

В БТС дается такое объяснение: **Крепость**, -и; жс. **Укрепленный** пункт, подготовленный к круговой **обороне** и длительной борьбе в условиях **осады**. *Средневековая к. Петропавловская к. Старинные крепости. Оборона крепости. Защищать крепость.* (БТС 1998: 469.)

В ИС слово определено так: «**укрепленный** пункт, город, подготовленный к круговой **обороне** и длительной борьбе в условиях **осады**. Появилась в древности. До XIX в. — укрепление на **небольшой площади**, окруженной **крепостной оградой**, стеной с башнями (с XVI—XVII вв. бастионами), земляными валами и рвами. В XIX в. площадь К. расширилась за счет прибавления 1—2 поясов фортов. После I мировой войны вместо К. стали строить укрепленные районы и полосы, линии (линия Зигфрида, Маннергейма, Мажино и др.)» В ИС также есть второе значение слова К.: «так назывался документ, подтверждавший право на владение собственностью, то же, что купчая.» (ИС, www.), но так как для нас это значение не важно, поэтому мы его не исследуем.

АС дает такое определение: «**укрепления**, защищающие город, населенный пункт или определенную территорию. Наиболее ранние крепости – **дерево-земляные** укрепления. В Древнем Риме сложились типы укрепленных военных поселений – **лагерей**, которые впоследствии стали основой для многих европейских городов. Разнообразные типы крепостей были созданы в средние века, когда они служили целям обороны замков, городов, монастырей (земляные валы, рвы, крепостные стены с укрепленными воротами, дозорными и боевыми башнями, машикулями, подъемными мостами, нередко с предвратными укреплениями – барбаканами) или обороняли от вражеских нашествий обширные территории. Укрепления русских городов получили название **Кремлей**. В пограничной полосе Русского государства 15-17 вв. сооружались крепостные сооружения из дерева, так называемые **остроги**. С появлением огнестрельного оружия и артиллерии возникают крепости нового типа (бастионные укрепления, форты).» (АС, www.)

Видно, что разница между русскоязычными названиями *замок* и *крепость* заключается в том, что слово *крепость* в военном смысле охарактеризовано как **защитный укрепленный пункт**, а смысл слова *замок* концентрируется на **жилищном характере сооружения**. Вышеупомянутые определения этих терминов доказывают, что под словом *замок*, в большинстве случаев, понимается такая постройка, где подчеркиваются размер, красота, величие сооружения, а под словом *крепость* часто понимаются сооружение, меньшее по размеру и более скромное по архитектурным украшениям. От слова *за́мок* создано

прилагательные *зámковый*, от слова крепость – прилагательное *крепостной*, которое связано именно с функцией укрепления, защиты.

Покажем смысловые элементы терминов в таблице.

	БТС	ИС	АС
крепость	<p>1. Укрепленный пункт</p> <p>2. круговая обороне</p> <p>3. осада</p>	<p>1. укрепленный пункт = укрепление на небольшой площади, окруженной крепостной оградой</p> <p>2. круговая оборона</p> <p>3. осада</p> <p>4. укрепленные районы и полосы</p>	<p>1. укрепление = дерево-земляное укрепление = в Древнем Риме лагерь = на Руси Кремль</p> <p>2. острог</p> <p>3. бастионное укрепление, форт</p>

Словари дают ясную картину, что семантика слова *крепость* в русском языке связана именно с функцией защиты центра поселения. В АС четко указано, что в Европе и на Руси функции крепости были похожие.

Когда мы сравним смысловый объем понятий *зámок* и *крепость* в русском языке, то мы увидим, что первое понятие более широкое, чем второе; второе понятие (гипоним) может быть только частью первого (гипероним).

Затем мы рассмотрим, какие значения эквиваленты русскоязычных названий замка и крепости – соответственно *linna*, *linnoitus* – имеют в финском языке.

Финскоязычное название **linna** имеет следующие эквиваленты в русском языке: 1) (*linnoitus*) **крепость**; *поэт.* твердыня 2) (*palatsi*) дворец, **замок** 3) *простореч.* (*vankila*) **тюрьма**; острог *историч.* (БФРС 2007:330). Согласно КТС, финское слово *linna* используется для следующих обозначений: 1) древнее **укрепленное место**, защищающее население. 2) **великолепное жилище** правителя или иного влиятельного человека; сооружение или дворец. 3) в просторечии слово означает **тюрьму**. (КТС 2006: 79.)

Согласно NSS, название *linna* имеет значение **укрепленного жилища**, сооружения или группы сооружений, построенных в древности для **защиты** жителей и в качестве **опорного** пункта. Другим значением в словаре является такое же самое, как в КТС: обычно большое

жилище, **великолепный дворец** или **двор** какого-либо правителя, феодала или иного влиятельного человека. Словарь дает следующие прилагательные-эпитеты, характеризующие понятие: доисторический, средневековый, сказочный, каменный, окруженный рвом и стенами. (NSS 2002: 175.)

Покажем смысловые элементы понятия *linna* в таблице.

	БФРС	KTS	NSS
linna	1) крепость 2) дворец, замок 3) тюрьма	1) древнее укрепленное место 2) великолепное жилище 3) тюрьма	1. укрепленное жилище 2. для защиты жителей, опорный пункт 3. великолепный дворец или двор

Видна разница в объяснении слова *linna* в словарях: в KTS и NSS дается более детальное объяснение понятия; интересно также то, что в NSS даются характеризующие определения-эпитеты. Общее то, что во всех словарях отмечено в первую очередь именно значение укрепленного жилого места.

Теперь рассмотрим определения слова *linnoitus*.

У термина **linnoitus** следующие эквиваленты в русском языке: 1) **укрепление**; (*linna*) крепость; (*linnake*) **форт** (БФРС 2007: 330).

В KTS (2006: 79) понятие имеет военное значение: **укрепленное место** для обороны.

NSS дает термину значение **зámка**, укрепленного особенными устройствами и компонентами; чаще всего это небольшой **район**; крепкий и непокоренный (2002: 176).

Покажем основные смысловые элементы этого понятия в таблице.

	БФРС	KTS	NSS
linnoitus	1. укрепление 2. форт	укрепленное место	1. укрепленный зámок 2. район

В финском языке понятия *linna* и *linnaitus* по своим значениям являются почти полными синонимами. В синонимическом словаре финского языка SS (2001: 83) слово *linna* имеет следующие синонимы: *linnaake, linnoitus, hovi, kartano, palatsi, tyrmä, vankila, vapausrangaistus, vankeus*. Семантическая разница между этими терминами проявляется в том, что слово *linnaitus* подчеркивает **защитный и военный** характер крепости, а слово *linna* концентрируется на **жилищном** характере укрепления (зámка), и, как показывают определения этих двух терминов, обычно *linna* является большим сооружением, а *linnaitus* меньше по размеру. Несмотря на небольшую разницу в значении, названные термины могут употребляться в финском языке равнозначно.

В результате нашего лексико-семантического анализа мы пришли к следующему выводу: разница между русско- и финскоязычными названиями, обозначающих крепостные укрепления, невелика: в русском слово *зámок* является более широким по объему, а *крепость* – более узким. В финском языке слово *linna* – более широкое по объему, чем *linnaitus*. Раньше это смысловое различие было больше, чем в современном употреблении, однако сейчас эти понятия иногда смешиваются. Далее мы будем употреблять *зámок* как синоним слова *linna* и *крепость* (или *укрепление*) как синоним слова *linnaitus*.

5. Семиотический анализ замков и крепостей

Культурная семиотика является тем методологическим инструментом, с помощью которого мы будем проводить эмпирический анализ материалов. На основе нашего анализа мы попытаемся сформировать культурные значения, основывающиеся на представленных культурных репрезентациях ландшафтов в разделе 5.1. и функциях в разделе 5.2. Культурно-пространственные значения разделены в хронологическом порядке, чтобы сохранить логику исследования. Так сформулированы представленные ниже разделы данной главы.

5.1. Ландшафт замков и крепостей

Для начала нашего культурно-семиотического анализа мы будем рассматривать то, какие природные элементы культурные ландшафты Выборгского замка и крепости Олафинлинна включают в своих пространствах. Мы попытаемся выявить, какие значения ландшафта существуют в наших исследовательских данных и в каком пространстве построены замки. Далее в последующей главе на основе результатов этой части мы будем анализировать, какая культура создается в описании замков и крепостей. Рассмотрим, в каких местах замки были построены.

В наших материалах расположение Выборгского замка представлено таким образом:

Viipurin linna sijaitsee n. 170 metrin pituisella ja n. 122 m. leveällä kalliosaarella Viipurinlahden sisäosassa levittäytyvän Suomenvedenselän ja tästä Saimaan kanavan suulle saakka pistäytyvän pohjukan, Suomenvedenpohjan, välisessä salmessa (Raekallio 1928 & 1993: 23).

В 1293 году вторгшиеся на Карельский перешеек шведы разрушили карельское поселение *на острове* (ныне Замковый) и на его месте возвели замок, названный ими Выборг. *Построенный на скальном плато острова Выборгский замок [...] Вокруг замка начал расти город. Комплекс построек на Замковом острове стал первым звеном будущей сухопутной и морской крепости.* (Кепп 1989.)

Словно выросший из *темно-серой глади окружающей воды*, он доминирует над городом, который родился и вырос у его стен. [...] и на *небольшом скалистом острове* заложили фундаменты первых каменных строений замка. (Петрова 2005: 5.)

Расположение крепости Олафинлинна, в свою очередь, представлено так:

Расположенная на скалистом острове между двумя озерами в городе Савонлинна крепость Олафсборг (ныне часто используют ее финское название –

Олавинлинна) была первой, *построенной шведами* с расчетом на противостояние артиллерии (Антонова 2010: 256).

Крепость Олавинлинна была заложена *в средней части озерной системы Сайма, в месте слияния верхнего и нижнего течений*, там, где *в промежутке между островами было три пролива*, через которые переправлялись на лодках. Самый восточный из них, *пролив Кюренсалми*, был самым многоводным и глубоким, а потому считался важнейшим путем. Местом для строительства крепости был выбран *небольшой скалистый остров в проливе Кюренсалми*, который сочли с топографической и стратегической точек зрения самым удачным. (Laamanen, Prusi 2004: 9.)

Во всех выше приведенных примерах значительным моментом считается островное положение замков и крепостей. Оба замка были основаны на скалистом острове, и в случае Выборгского замка он стал первой сухопутной и морской крепостью на своей территории. Крепость Олавинлинна заложена на скалистом острове между двумя озерами. В описании этих замков подчеркиваются, между прочим, сходные природные элементы, которые определяют физические границы крепостного пространства: остров/-ок или скалистый остров; скалы; вода; озера; озерная система; залив, и именно Бухта Защитная, расположенная на краю Выборгского залива; Сайменский канал; пролив; пролив Кюренсалми; Карельский перешеек; скальное плато. Эти все природные элементы определяют пространство замков и крепостей. Наши материалы показывают то, что природные и культурные элементы в ландшафте, без исключения, связаны друг с другом: природа – это база, на которой строится что-то новое при помощи человеческой деятельности. В этом контексте замок и связанные с ним другие укрепленные здания, представляют деятельность человека, культуру. Кроме самих замков как материального выражения культуры, другие культурные компоненты и значения мы будем рассматривать в разделе 5.2. Рассмотрим, как представлено в наших материалах территориальное положение.

Территориальное положение Выборгского замка отражаются в следующих примерах:

Ruotsalaisten, saksalaisten ja venäläisten harrastuspiirien yhtymämailla sijaitsevasta Viipurista tuli aikaisin tärkeä paikka ja samalla myöskin monien ottelujen näyttämö. [...] Venäläisetkin puolestaan halusivat kaikin tavoin saada isännöitsijävallan tärkeään kauppatien porteilla. Seurauksena oli ankara sekä pitkäaikainen kamppailu lännen ja idän pyrkimysten välillä. (Raekallio 1928 & 1993: 23.)

В 1475 г. Эрик Тотт, до этого ответственный за строительство единственной *существовавшей на границе двух стран крепости* – Выборгской, – начал строительство деревянной цитадели – своего рода «временки» для *строителей, которые стали подвергаться нападениям русских* чуть ли не с первых дней работы (Антонова 2010: 257).

Территориальное положение крепости Олавинлинна, в свою очередь, представлено так:

Olavinlinnasta tuli nyt venäläinen rajalinna ja Kustaa III:n Venäjän sodassa se joutui suomalaisten hyökkäyksen kohteeksi. Kesällä 1788 eversti Berndt Juhana Hastferin johtama Savon Prikaati hyökkäsi Savonlinnaan ja otettuaan kaupungin haltuunsa piiritti linnaa yli puolitoista kuukautta saamatta sitä kuitenkaan valloitetuksi. V. 1790 solmitussa Värälän rauhassa valtakuntien välinen raja jäi ennalleen ja Olavinlinna siis venäläisille. (Auvinen 1948: 4.)

За безопасность территорий отвечали королевские крепости, которые одновременно являлись центрами государственного управления. [...] У территории Финляндии было стратегически важное положение для обороны нового государства в восточном направлении. (Laamanen, Prusi 2004: 5.)

Поводя итоги всему выше сказанному, отметим следующее: совершенно очевидно, что у замков есть формируемый в текстах пограничный образ. Замки представлены либо как часть Запада, либо как часть Востока в зависимости от периода владения территорией. Территориальное положение обоих замков определяется позицией между Западом и Востоком. Видна поляризация смыслов в рамках «запад-восток» в культурном ландшафте замков и крепостей.

Согласно примерам, представленным в этом разделе, города начали расти вокруг замка. Территориальное положение пограничного объекта определяется физическую сторону культурного ландшафта, но, если рассматривать ландшафт с семиотической точки зрения, то замок репрезентирует первоисточник города. Расположение замков выбрано не случайно, а правильно выбранное расположение дает обороне важное стратегическое преимущество. Постепенно вокруг замков выросли города Выборга и Савонлинны. Укрепленные сооружения давали защиту населению в военный период.

Итак, замок представлен как материальное выражение человеческой деятельности. Природные элементы в пространстве, в свою очередь, формируют основу, поверх которой возникают признаки деятельности человека. Названные признаки построены на базе природных элементов, позволяющих формировать и развивать культурный ландшафт. Пространство изменяется под влиянием работы рук человека, в результате чего формируется культурный ландшафт, который представляет результат воздействия времени и субъективных воздействий человека. Перейдем к следующей части анализа, в которой мы проанализируем культурно-пространственные значения в культурном ландшафте замков и крепостей.

5.2. Культурно-пространственный код замков и крепостей

Целью данной главы является выявление различных значений ландшафта, представленных в туристических публикациях о Выборгском замке и о крепости Олавилинна на протяжении их истории. Нужно отметить, что с течением времени изменяются место и функции замка и именно на данных изменчивых элементах основываются культурно-пространственный код, используемый для создания связи между разнообразными элементами в культурном ландшафте.

Феномен культурного ландшафта может быть рассмотрен через культурно-пространственный код. На наш взгляд, культурный ландшафт, являющий совокупность различных картин, представляется в разных формах, и прочтение их требует владения особым семиотическим кодом. Семиотическими кодами в случае наших туристических текстов являются способы языковой репрезентации, иными словами, культурно-пространственные значения. При исследовании культурного ландшафта замков и крепостей репрезентации играют весьма значительную роль, и мы не можем оставить их без внимания. В этом разделе мы будем параллельно анализировать данные репрезентации как культурно-пространственные значения и вместе с тем выявлять те функции, которые выполняли замки в течение своей истории; также особое внимание обратим на то, какую функцию выполняют замки в наше время.

5.2.1. Оборонительное культурно-пространственное значение

Замки репрезентируют, прежде всего, защиту. Как мы уже отметили в лексико-семантическом анализе в разделе 4.2, в понятиях замков и крепостей защитный или военный характер подчеркиваются как в русском, так и в финском языках. В этом разделе мы будем анализировать, как замок представлен в наших текстовых материалах. В текстах, исследуемых нами, встретилось много примеров, связанных с оборонительным смыслом замков, но из них мы выбрали те, в которых оборонительный характер замков представлен разнообразно, чтобы получить многостороннюю информацию. Выбранные нами примеры в этом разделе проанализированы так, что анализ строится на базе найденных терминов, отражающих семантическую сферу «оборона».

Обратим внимание на представления о замках в период после момента их основания. В случае Выборгского замка, как утверждает Илмари Раекаллио (Raekallio 1928 & 1993: 26-27), о

наиболее ранних этапах строения подробные сведения не сохранились, но, начиная с 1400 года, можно получить информацию из старинной рифмованной хроники:

Aina 1400-luvulle saakka on näin ollen tyydyttävä muinaisen riimikronikan kertomaan, että tämä *lännen varustus itää vastaan* heti alussa rakennettiin *kivestä* ja jo 1300-luvun alussa oli *suuri, vankka linna*. Sen vanhimmaksiksi osaksi on kyllä voitu todeta *Pyhän Olavin suuren tornin* alemmat kerrokset ja näihin lähinnä liittyvät nykyisen *päärakennuksen perusmuurit*, jotka kohosivat saarella sijaitsevan kallion *korkeimmalle kohdalle*. Linna lienee myös jo silloin ollut *ympäröity kehässä sitä kiertävällä suojamuurilla*. (Raekallio 1928 & 1993: 27.)

Нами подчеркнуты финские термины: термины-существительные, отражающие защитную функцию крепостей: *varustus, kivi, Pyhän Olavin torni, päärakennus, perusmuurit, kehä, suojamuuri*, предлог/наречие *vastaan*, означающее в русском языке слово *против* и качественные имена прилагательные: *suuri, vankka (linna), korkea (kohta)*.

Первые укрепления замка состояли из *двух важных для обороны сооружений: прямоугольной башни типа донжон, возведенной на вершине островной возвышенности, и оборонительной стены*, которая окружала башню и повторяла очертания холма. По данным археологических раскопок, *толщина стен у основания – от 1,6 до 2 м, а башни – 4,5 м. Фундамент был выполнен из крупных обломков камня без раствора, а стены выложены с использованием прочного раствора и облицованы валунами*. (Петрова 2005: 6-7.)

В этой цитате используются русские термины-существительные: *укрепление, замок, оборона, сооружение, башня, вершина, возвышенность, стена, очертание (холма), толщина (стен), фундамент, обломки (камня), раствор, валуны*, качественные имена прилагательные: *важные для обороны, крупный, прочный*, относительные имена прилагательные: *прямоугольный, островной, оборонительный*. В вышеупомянутых цитатах перед сознанием читателя встают прочные замковые комплексы, среди которых выделяются главные крепости и другие укрепленные здания в замковым районе. В обеих цитатах упомянуты сооружения, важные для защиты: башни (Св. Олафа) и крепостная стена. В цитатах также рассказывается, что Выборгский замок был построен на самом высоком месте скалы, находящейся на острове. Значение возвышенности заключается в том, что высокое положение позволяет намного эффективнее вести защиту против противника; поэтому борьба за высокий географический ландшафт выступала как потенциальная победа людей в сражении. Географический элемент поддерживал культурный; географический ландшафт плавно перетекал в культурный.

Особое значение в эпоху строительства крепостей в военном деле имели военные силы или армии, обороняющие свое жилище, семьи, границу, родину от врагов. Культурно-пространственное значение замков и крепостей заключается в том, что они представлены как

места, точки, пункты военных действий. Военное значение замков и крепостей позже уменьшилось, потому что искусство ведения войны изменилось и вообще военная техника стала развиваться в сторону мобильности, и вследствие этого военная функция крепостей стала ненужной.

Что касается крепости Олавинлинна, то главный смысл в следующем цитировании о периоде основания крепости заключается в следующем: это строительство крепости и те затруднения, возникшие в его процессе, выявляется их связь с русскими, мешающими строительным работам:

Erik Akselinpoika Tottin kirjeen mukaan v:lta 1477 Sten Sture vanhemmalle olisi *linna rakennettu v. 1475 „puuneuvoilla”* ja vasta kaksi vuotta myöhemmin *kivestä torneineen, ympärystymuureineen* ja muine tarpeellisine huoneineen. Rakennustyötä varten oli hankittu kuusitoista hyvää ulkomaalaista muuraria ja sitä oli suoritettava *venäläisten ahdistellussa*, minkä vuoksi Erik Akselinpojan täytyi oma kertomuksensa mukaan *panna ruodun sotaväkeä*, vieläpä *12-14 haarniskaan puettua huoviaan* seuraamaan jokaista lauttaa, joka lähti kiviä, savea tai hietaa noutamaan. (Olavinlinnan opas 1928: 17-18.)

В выше приведенном примере используются термины-существительные, отражающие оборонительную функцию крепостей: *linna, puu, kivi, torni, ympärystymuuri, venäläiset, sotaväki, haarniska, huovit*, глаголы: *ahdistella* и *panna ruodun* (теперь: *panna ruotuun*) и страдательные причастия прошедшего времени (глаголы): *rakennettu (linna), puettu (huovi)*.

Теперь посмотрим на другой пример, описывающий крепость Олавинлинна, из русскоязычного материала:

Поскольку *новая крепость улучшала обороноспособность всего государства*, часть рабочей силы прибыла из регионов Хяме и Уусимаа. Кроме *светской власти*, заинтересованной в *укреплении восточной границы*, строительство крепости поддерживала церковь в лице епископа Конрада Битца, поскольку *церковные власти боялись восточных язычников и неправых верных*. Новая крепость была посвящена одному из самых почитаемых в то время святых. Так она стала крепостью *Святого Олафа*. (Laamanen, Prusi 2004; путеводитель на русском языке: 6.)

В этой цитате представлены термины-существительные, отражающие защитную функцию крепостей: *крепость, обороноспособность, государство, власть, укрепление, границы, язычники* и *Святой Олаф* как имя западного святого, покровителя и защитника крепости, глаголы *улучшать* и *бояться*, качественное имя прилагательное: *новый*, относительные имена прилагательные: *светский, восточный, неправый верный, святой*. Заметна, что в обоих приведенных примерах Олавинлинна представлена как оборонительное убежище, которое

защищает своих граждан, в первом случае от преследования противника, являющегося русскими войсками, а во втором случае от восточных язычников и неправовверных.

Рассмотрение оборонительной функции Выборгского замка и крепости Олавинлинна, позволило нам увидеть противоположность между западом и востоком. В контексте крепости Олавинлинна восток обозначает Россию или восточных язычников и неправовверных, а в контексте Выборгского замка, согласно финскому примеру, восток точно не установлен, не терминован. Однако мы заметили, что в примерах видны негативные коннотации, приписываемые противнику и ассоциируемые именно с востоком. В конце надо отметить, что в русскоязычном примере о Выборгском замке не говорится ни одного слова о противополжении между западом и востоком, хотя Выборгский замок в то время находился под властью шведского королевства и противополжение, конечно, существовало. По нашему мнению, главная причина различия заключается в том, что в финскоязычных и русскоязычных путеводителях аттракционные места представлены по разным причинам (см. 4.2.)

Из всего выше сказанного можно сделать вывод о важном значении противополжных полярностей в культурном ландшафте замков и крепостей. В описании культурных ландшафтов Выборгского замка и крепости Олавинлинна лежат бинарные культурологические оппозиции «Восток – Запад». Названная дихотомия включает в себе религиозные и национальные знаки и имеет свое выражение в культурных ландшафтах замков и крепостей. Крепости защищались от потенциальных врагов, однако враги, против кого следует бороться, менялись. Совершенно очевидно, что оборонительная функция в течение истории Выборгского замка и крепости Олавинлинна играет весьма большую роль. Хотя в защитных характерах Выборгского замка и крепости Олавинлинна имеются много сходств, также имеются различия между этими двумя замками.

В путеводителе по крепости Олавинлинна рассказываются, что *«крепость Олавинлинна верно служила по своему прямому назначению почти 400 лет. Когда русская армия покинула крепость, она вначале совсем опустела. В 1855 году из крепости Олавинлинна сделали тюрьму предварительного заключения. Однако эта страница в ее истории была краткой...»*. (Laamanen, Prusi 2004, путеводитель на русском языке: 43.) В истории Выборгского замка, в свою очередь, военный период длился дольше, чем в Олавинлинне: *«В 1964 г. Выборгский замок впервые за долгие столетия перестал принадлежать военным»* (Петрова 2005: 38). Автор упоминает, что после ремонта в замке были открыты первые экспозиции Выборгского краеведческого музея и замок стал посещаемым местом для туристов. До рассмотрения

нынешней туристической функции мы сначала рассмотрим тему *замок как укрепленное место жительства* в следующем разделе, а после того рассмотрим тему *тюремная функция замка*.

5.2.2. Культурно-пространственное значение укрепленного места жительства

Помимо использования в качестве оборонительного комплекса, исследуемые нами укрепления, Выборгский замок и крепость Олавинлинна, на протяжении своей истории использовались также как место жительства. В отличие от замка в оборонительном значении во время войны и в условиях существования постоянной угрозы войны, в периоды спокойствия замок функционировал как дом-жилище. Значение замка в его защитной функции отличается от функции того же объекта в мирное время тем, что в трудные периоды сконцентрировались на строительстве оборонительных элементов, как видно в первой цитате, а в периоды мира строились или ремонтировались помещения крепостей.

С возведением с западной стороны мощных Аннинских укреплений в 1730-1740 гг. замок *утратил свое оборонное значение. Несмотря на разрушение некоторых строений замка в ходе осады и обстрела Выборга войсками Петра I, сноса части поврежденных зданий и ремонта других, сложившийся в средние века и в период реконструкции XVI-XVII вв. внешний облик замка почти не изменился.* (Петрова 2005: 30-32.)

В данной цитате мы можем наглядно видеть значение послевоенного периода в реконструкциях. После осады и обстрела у людей рождались надежды на новую жизнь, так открывалась новая страница в истории замка. Это видно в создании новой культуры средствами человеческой деятельности в форме постройки помещений. Это, в частности, показывает последнее выражение «внешний облик здания почти не изменился»; по-нашему мнению, это отражает тенденцию сохранения или регенерации исторической культуры и культурного наследия в ландшафте замков и крепостей.

Вначале мы рассмотрим, как Выборгский замок представлен в роли укрепленного места жительства.

Asujamiston (sic!) lukumäärä linnassa vaihteli suuresti eri vuosina. Niinpä mainitaan varustuksen suojissa v. 1541 asustaneen n. 150-160 henkeä, v. 1557 230 h., v. 1570 502 vakinaista asukasta ja lisäksi 94 tilapäistä, v. 1599 829 h., joista päällystä ja miehistöä 678 h., v. 1614 769 h. ja v. 1617 enään vain 130-140 h. Varsinaista linnäväkeä päällystöineen tiedetään Kustaa Vaasan aikana olleen 110-140 miestä, v. 1561 315 m., joista 58 kuului linnan laivastoon, v. 1570 223 m., mutta v. 1598 vain 90 aseistettua sotilasta. (Raekallio 1928 & 1993: 76.)

Изменчивая численность населения Выборгского замка в данной цитате представляется, очевидно, с точки зрения авторов текста, важным компонентом. Согласно им, в укрепленном месте в средние века жило от 90 до 829 человек. Большинство проживающих в замке лиц являлось постоянными жителями (командование и военные), но также временные жители проводили там некоторое время. Данное место жительства представлено как надежное убежище в защите населения; функция замка – отразить атаки вражеских войск, так как в период правления шведского короля Густава Вазы существовала постоянная угроза нападения со стороны России.

На русском языке Выборгский замок как место жительства характеризуется слегка по-другому:

Дом наместника (ныне Комендантский дом) был возведен в 1606-1608 гг. на фундаментах Пожарной башни XV века и «привратного дома» с караульной и глухой камерой XVI в. В новом двухэтажном здании с башенкой и высокой двускатной крышей в XVII в. были самые роскошные апартаменты в Выборге. В 1680 г. были разобраны кровля и башенка и сделано временное покрытие из дерна. Но роскошные интерьеры с росписями стен и потолков, с покрытыми глазурованными пестрым кафелем печами и керамическими полами, видимо, сохранились до 1734 г. (Петрова 2005: 23.)

Как видим, в последней цитате Выборгский замок как укрепленное место жительства представлен немного по-разному, чем в первой цитате. Суть в предыдущем примере – подчеркнуть изменчивое количество жителей как отражение военной угрозы, а во случае главным объектом внимания становятся описания внешнего облика жилища или стиль интерьера. Так, новый двухэтажный Дом наместника или нынешний Комендантский дом подробно представляется как место жительства в Выборгском замке, хотя названный объект является, фактически, отдельно стоящим от главной крепости зданием и является только частью каменных замковых стен в целом районе оборонительного комплекса строения. В отличие от финского текста, видно, что в русском тексте замок представлен как единый комплекс, как будто существовало только одно здание – замок, а не совокупности строений, которые называются крепостью.

Интересный сравнительный материал можно увидеть также в следующей цитате, в которой представлена крепость Олавилинна на финском языке. До чтения цитаты, однако, надо заметить, что в этом наглядном примере замок представлен как *средневековая дворянская крепость* (Auvinen 1948: 13):

Seinillä nähdään linnanherrojen vaakunakilpiä. Toiset niistä miehistä, joiden muisto on näissä kilvissä ikuistettu, ovat paikallisina päällikköinä asuneet tässä linnassa, [...] Killan salin päästä menemme lyhyen, kaksiovisen holvikäytävän kautta Kirkkotornin

alimmassa kerroksessa olevaan, *paksujen muurien ympäröimään, pyöreään huoneeseen, joka lienee ollut asuinhuone* päättäen seinään muuratusta avotakasta. Tulisijan yläpuolella olevassa rappauksessa on jälkiä *Tott- ja Sture-sukujen vaakunoista*. [...]Neljännessä kerroksessa on *avotakalla lämmitettävä asuinhuone*. sen ikkunasyvennyksissä on penkkejä ja niiden yläpuolella *jätteitä tuohesta, jolla seinät ehkä ovat olleet verhotut*. Virran puoleisella sivulla on tornista ulkoneva omalaatuinen *mukavuuslaitos*. Huone on voitu sisältä lujasti sulkea vetämällä oven poikki paksu hirsisalpa. *Kenties tässä huoneessa on asunut linnan naisväkeä*. (Auvinen 1948: 10-12.)

В данной цитате о крепости Олавинлинна подчеркнуто дворянское звание проживающих там. Имена существительные *linnanherrat, vaakunakilpiä, päälliköt, Tott-ja Sture-sukujen vaakunat* отражают влияние дворянского сословия на жительство в замке, и термины *lämmitettävä asuinhuone, tuohella verhotut seinät, mukavuuslaitos*, в свою очередь, описывают степень комфортабельности условий жилья аристократов в средневековье.

Что же касается русскоязычных материалов, то для сравнения рассмотрим следующий пример ниже:

Согласно книгам счетом (sic!) во времена короля Вазы в крепости *жило примерно 150-200 человек. Жители крепости делились на три группы: служащие, ремесленники и военные*. [...] Большая часть жителей *проживала в помещениях крепости*. У фогта (sic!) крепости была обустроена *резиденция в северном крыле главной крепости*. [...] Солдаты размещались *в пушкарской казарме в северной части внешней крепости*. В том же самом дворе были и *деревянные жилые постройки*. Часть слуг из крепости жила *в небольшом сообществе, зародившемся на берегу островка Малминсаари напротив крепости*. (Laamanen, Prusi 2004: 20-21.)

По данным путеводителя крепости Олавинлинна в этой цитате представлен средневековый замок шестнадцатого века. В главной крепости проживало около 150-200 человек. Помещения упомянуты: *резиденция в северном крыле, в пушкарской казарме в северной части, во дворе были и деревянные жилые постройки, в небольшом сообществе, зародившемся на берегу островка Малминсаари напротив крепости*. По сравнению с первой цитатой об Олавинлинне на финском языке, очевидно, что крепость как укрепленное место жительства представлена по-другому: в этой же цитате (текст написан в 2004 году) проживающие в крепости делились на три группы: служащие, ремесленники и военные, а согласно первой цитате (текст написан в 1948 году), в крепости жили почти исключительно аристократы. В результате сравнения можно сделать вывод о том, что в зависимости от периода создания туристского текста описания замка в значении дома-жилища меняются.

После того как военное значение замка упало, значительно уменьшилось и количество жителей Выборгского замка: во время правления Густава II Адольфа в замке проживало только 55 жителей, а в периоды расцвета количество проживающих в замке насчитывало более трехсот жителей. (Sotasokeat Ry 1976: 85.) Но какова ситуация в Олавинлинне? Когда пограничная крепость стала опорным пунктом, общее количество жителей уменьшилось и, прежде всего, уменьшилось количество военных (Laamanen, Prusi 2004: 28).

В последующем разделе мы будем рассматривать кратковременную тюремную функцию крепостей, поскольку старые тюрьмы являются важными посещаемыми местами для туристов, бывающих в крепостях, и поэтому у них довольно большое значение в культурном ландшафте. Следовательно, только в последнем разделе главы мы проанализируем туристское значение замков и крепостей.

5.2.3. Тюремное культурно-пространственное значение

Во время финской Гражданской войны 1918 г. «красные» участники захватили крепость, но посмотрим на следующую цитату на финском языке, как «белые» участники войны захватили крепость, и весь город Выборг стал собственностью независимой Финляндии после окончания гражданской войны. Завоевания характеризуются следующим образом:

Piirittäjät eivät tienneet mitään linnaan teljetyistä puoluelaisistaan, jotka näin ollen joutuivat vaaralla altteiksi. Muuan pommeista osui vankihuoneen vastapäiseen vallimuriin, haavoittaen ammuksen siru erästä huoneessa olleista. Toinen pommi tunkeutui katon puhkaisten itse vankilaan vahingoittamatta kuitenkaan ketään. [...] Illalla klo 6-7 aikaan siirtyivät kaikki vangit päärakennukseen, mistä lisäksi oli löydetty aseita, vartijain näiden etsiskelyjä millään tavoin häiritsemättä. Klo 9 illalla ei viimeainituista enään (sic!) ollut linnan uusille valtiaille mitään haittaa, vaan ilmoitti silloinen punainen ”komendantti” Nilov päinvastoin luovuttavansa linnan aseineen päivineen vangeille, alistuen itse puolestaan vahtimiehineen vangin asemaan. Torkkeli Knuutinpojan vanha varustus oli kuin huomaamatta siirtynyt valkoisten käsiin. (Raekallio 1928 & 1993: 102.)

Подводя итоги вышесказанному, мы можем заметить, что Выборгский замок представлен как тюрьма в продолжение атаки вражеских войск, но, по нашим исследовательским материалам, другого тюремного употребления не видно. Именно в этой же цитате интересно заметить то, что роли заключенных и караульных меняются: во-первых, «белые» участники войны являются заключенными, а затем караульными, во-вторых, когда ситуация меняется, потерявшие свою власть «красные» участники стали заключенными.

Задолго до Гражданской войны, в средние века, в Выборгском замке существовала и «тюремная башня». Посмотрим, как представлена эта башня:

На стыке южной и наружной оборонительных стен находилась *так называемая «Тюремная башня»*. Старые путеводители рассказывают, что она была обита нагрудниками рыцарских лат, но речь, вероятно, идет о башне в Кексгольме (ныне Приозерск). Там на старых воротах башни детали рыцарских доспехов сохранились до сих пор. По мнению В. Тюленева, археолога, проводившего исследования в замке, во время строительства *Тюремная башня могла быть с машикулями (нависающими над стеной бойницами)*. (Петрова 2005: 20.)

Итак, из описания ясно, что «Тюремная башня» находилась на стыке двух оборонительных стен, и она была построена с навесными бойницами. Кроме этого, дополнительной информации об использовании башни или замка как тюрьмы в наших материалах не существует.

Также рассмотрим, как значение тюремного периода повлияло на культурный ландшафт крепости Олавилинна, представленный в финскоязычном материале:

Kolmannessa kerroksessa olevan asuinhuoneen voimme sivuuttaa ja laskeutua suoraan toiseen kerrokseen. Poikettuamme oikealle pieneen, valkeaksi rapattuun huoneeseen, jossa *tarinan mukaan eräs Oldenburgin prinssi on ollut vankina*, ryhdymme tarkastamaan tätä *kerrosta, jossa on ollut lujat puolustuslaitteet. Ympärysmuuri on kaksinkertainen*. Ulomman ja sisemmän muurin välillä on *tornin ympäri kiertävä ampumakäytävä*. Ulkomuurin aukkojen akkunapenkkeinä on tukevia hirsiiä, joissa oleviin reikiin hakatykit ovat olleet kiinnitettynä. Tornin keskellä on ollut lataushuone, josta keveät tykit tai kenties vain irroitettavat (sic!) ruutikammiot voitiin sisämuurissa olevien aukkojen kautta nopeasti ojentaa ampumakäytävään. *Lataushuoneen keskeltä johtaa lattialuukku tornin alimpaan kerrokseen, jonka kolkkoa, holvikattoista huonetta on luultavasti käytetty vankilana*. Sinne ei alkuaan liene ollut mitään muuta *pääsytieta kuin tämä luukku, josta vangit köysien avulla laskettiin alas*. (Auvinen 1948: 12.)

Согласно этой цитате, крепостные помещения, кроме использования их как места жительства, могли применяться временно как тюрьмы. В этом же примере одна комната представлена как тюрьма принца Ольденбургского замка. *Lujat puolustuslaitteet, kaksinkertainen ympärysmuuri и tornin ympäri kiertävä ampumakäytävä* – это термины, которые отражают связи между тюремным употреблением и защитным характером замка. В самом нижнем этаже башни существовала комната со сводчатым потолком, в которую спускаются заключенные. Кроме люка, другого выхода не существовало.

В качестве примера использования крепости Олавилинна в тюремной функции можно привести следующую цитату из русскоязычного материала:

В 1809 г. Финляндия стала *автономной частью Российской империи*, и Олафсборг *потерял свое военное значение*. Несмотря на это, русские солдаты оставались тут вплоть до 1847 г., после чего крепость на несколько лет *превратили в тюрьму*. В 1860-х гг. *в замке вспыхнули очередные пожары, разрушившие значительную его часть*, но со временем крепость была *восстановлена и начала привлекать внимание туристов*. (Антонова 2010: 261.)

В этой цитате представлен краткосрочный тюремный период в истории крепости Олавинлинна. После признания за Финляндией автономии, военное значение крепости Олавинлинна утратилось. Крепость была тюрьмой только несколько лет, но очередные пожары, вспыхнувшие в крепости, закончили период использования замка в тюремной функции. На наш взгляд, краткий тюремный период был исключением, кратким промежуточным этапом на пути к последующему этапу в истории крепости.

Итак, тюремные помещения в настоящее время отданы под экспозиции; об этом будет сказано в следующем разделе, когда мы будем обсуждать туристическое значение крепостей. Мы убедились о том, что тюремные помещения на сегодняшний день представляют прошедший тюремный период в истории Выборгского замка и крепости Олавинлинна. Поэтому значение их в культурном ландшафте замков и крепостей важное. Так как культурный ландшафт формируется сквозь рамку времен, и мы определяем и оцениваем культурные ландшафты в рамках нынешнего времени, следовательно, далее мы сосредоточимся на рассмотрении того, в какой функции названные замки выступают в настоящее время.

5.2.4. Туристское культурно-пространственное значение

В этом разделе аналитическая работа осуществляется иначе, чем в предыдущих разделах и поэтому и структура данного раздела отличается. Выборгский замок и крепость Олавинлинна интерпретируются, как и раньше, отдельно: сначала мы рассмотрим Выборгский замок, после чего – крепость Олавинлинну, но в этом разделе используемые цитаты включены в основной текст и отдельных цитат не существуют. Мы будем также искать дополнительную информацию о культурных мероприятиях в Интернете. Кроме материалов с богатым содержанием (путеводители и т.д.), в группу рассматриваемых материалов включаются и краткие информационные буклеты, цель которых является объяснять некую информацию о крепостях и дать посетителям общее представление о замках. Так, в этом разделе мы будем рассматривать туристское культурно-пространственное значение замков и крепостей, чтобы понять их нынешнюю функцию.

Рассмотрим, каким посещаемым местом для туристов является Выборгский замок в настоящее время. Внутри средневековых стен находится Государственный музей и в башне Святого Олафа работает выставка *Тайны морского дна*. Так, в буклете названной выставки рассказываются о стационарной экспозиции, основанной на материалах исследований подводно-археологической экспедиции общества «Память Балтики» 2001 г. Согласно автору буклета, в пяти выставочных залах Комендантского дома находится Музей подводной археологии. (Шопотов б.г.) По данным Турпоста Выборга (центр обслуживания туристов в Выборге), в замковом острове работает и Краеведческий музей (Турпост Выборга, www). Большая часть музейных услуг предназначена для взрослых, но в районе Выборгского замка существует и музейное предложение для детей. В музейном блокноте *Замовенок Выборгский* передается интересная информация о Выборгском замке для детей-посетителей. В своем письме Замовенок рассказывает детям: *«Дорогие ребята! Я – очень веселый и гостеприимный Замовенок Выборгский. Живу в замечательном и самом удивительном месте в нашем городе – Выборгском замке. Многие выборжцы уже успели со мной познакомиться. Ведь я не просто живу в Замке. Я с огромным удовольствием наблюдаю и радуюсь, когда в Детском музейном центре шумно и весело, когда на замковом острове разносится детский смех.»* (Абдуллина 2005: 2.)

В крепости Олавинлинна организуются также различных экспозиции, например, постоянные экспозиция, рассказывающие о всех этапах строительства и восстановления крепости. В дополнении к постоянным экспозициям, в крепости проводят и сменные выставки. Помимо экспозиций, внутри крепостных стен находится *«небольшой музей православия, в котором представлены предметы православной культуры, найденные в регионе Саво.»* (Laamanen, Prusi 2004: 49.). Крепость Олавинлинна известна благодаря популярному финскому оперному фестивалю, который проводится ежегодно в замке. Фестивали получили международную популярность среди поклонников оперного искусства. В первый раз оперный фестиваль был организован в 1912 г. оперной певицей Айно Акте. (там же: 45-49.) В интернете мы нашли информацию, что также в Выборгском замке организуются музыкальные фестивали, но не оперные, а фестивали джазовой музыки. Кроме других значений, замки предстают и как места музыкальных интерпретаций. Помимо названных мероприятий, в обоих замках организуются также средневековые ярмарки. Теперешняя функция замков и крепостей подтверждает их использование и в будущем. Благодаря туристическому использованию, замки продолжают свою жизнь.

В информационном буклете *Путеводитель: Выборг* замок репрезентирован как единственный полностью сохранившийся памятник средневекового военного зодчества в России (ЦСКН б.г.). Замок как памятник является монументом вечности – такая одна из репрезентаций встретила нас в исследовательских данных. Величественные каменные сооружения и другие стройматериалы, использованные при строительстве замка, символизируют вечность; несмотря на течение времени или изменения в обществе и исходя из этого, мы можем заявить: «замок был, есть и будет».

Сравнивая туристские культурно-пространственные значения Выборгского замка и крепости Олавинлинна, можно прийти к выводу, что в нынешних функциях крепостей много сходного. Сходства в этой сфере могут быть объяснены, прежде всего, одинаковостью и в ранних этапах развития. Так как исторические периоды были похожими, за исключением их временных изменений, также теперешние функции крепостей, не считая индивидуальных стилистических аспектов употребления, имеют сходные признаки. В обоих замках организуются экспозиции, выставки и музыкальные фестивали, только характеры этих событий меняются.

Итак, в данной главе мы рассмотрели культурный ландшафт замков и крепостей, выступающий в туристических публикациях, с точки зрения семиотики культуры. Нам хотелось выяснить основные значения, в которых функционируют Выборгский замок и крепость Олавинлинна. Многие знаковые системы влияют на культурный ландшафт, формируя в совокупности взаимодействие значений, но в нашей работе мы сконцентрировались на некоторых, обоснованных выше, значениях, которые вместе формируют единое семиотическое поле. В следующей, заключительной, главе мы будем при помощи этих значений разработать семиотическую модель культурного ландшафта замков и крепостей.

6. Семиотическое поле замков и крепостей

В заключение проведенного нами анализа мы подведем итоги, фокусируя наше внимание на понятие семиотического пространства. Поэтому в этой главе, с одной стороны, мы представляем выводы, сделанные нами в ходе нашей дипломной работы, но, с другой стороны, используем также эмпирический анализ. Наш анализ состоял из трех частей, основным из которых являлся семиотический анализ. Кроме семиотического анализа, нами были проведены риторический и лексический анализ, чтобы достичь главной целью нашей дипломной работы – выявить репрезентации в формировании культурного ландшафта замков и крепостей в рамках туристических публикаций в периода с 1923 по 2005 гг.

В данной главе мы будем кратко рассматривать все содержание дипломной работы. В предшествующих главах мы исследовали концепт культурного ландшафта замков и крепостей с различных точек зрения. На основе второй главы *Ландшафт в качестве исследовательского объекта*, являющейся теоретической основой нашего исследования, можно сделать следующие основные выводы по поставленным задачам теоретической части:

- 1.) **Ландшафт** – визуально-территориальная система, состоящая из природных и культурных элементов, формирующаяся в сознании человека, проявляющаяся в культурном образе;
- 2.) **Природный ландшафт** – пространственная геосистема, формирующаяся под влиянием природных процессов. Природный ландшафт преобразуется в культурный под влиянием человеческой деятельности;
- 3.) **Культурный ландшафт** – антропогенный феномен, который возникает из взаимодействия процессов природы и человеческой деятельности.

Определенные исследовательские понятия позволяют нас рассматривать феномен культурного ландшафта более детально в отдельном разделе с точки зрения пространственно-временного его кода. Культурный ландшафт формируется в результате природных процессов и человеческой деятельности. С объективной точки зрения, «ландшафты земли» Выборгского замка и крепости Олавилинна являются материальными выражениями человеческой деятельности. Рассматривая культурные ландшафты замков и крепостей без нематериальных смыслов, мы можем видеть определенные природные элементы, которые самостоятельно не существуют в ландшафте. Ландшафт как культурный феномен требует не только одного (естественно)научного средства изучения, а по причине многомерного характера названного

феномена междисциплинарного подхода с применением специального средства, чтобы научно рассматривать явление. Кроме культурно-географического и лингвистического подхода, мы выбрали семиотику как один из возможных путей к постижению этого географического феномена. На основании главы 3 *Семиотика культуры – интерпретации окружающего мира* нами были сделаны следующие выводы:

- 1.) **Семиотика** – это научная дисциплина, изучающая знаки, знаковые системы, их формирование и употребление;
- 2.) **Культурная семиотика** – исследование взаимовлияние знаков и семиотических систем в коммуникативном процессе;
- 3.) **Культура** образуется из текстов и, таким образом, может быть прочитанной;
- 4.) **Семиосфера** – это семиотическое пространство/поле, или интерсемиосис, – обозначающее взаимоотношения между языками и культурными текстами.

Как мы уже отметили в главе 3.1, семиотическое пространство – это семиосфера, включающие в себе культурные коды, репрезентирующие окружающий мир. Так, в этой заключительной главе мы будем строить модель семиосферы в культурном ландшафте Выборгского замка и крепости Олавинлинна. В этом случае семиосфера играет роль так называемого инструмента, применяющегося для соединения отдельных частей исследования.

Затем, после рассмотрения исследовательской методики, в главе 4 *Культурные ландшафты Выборгского замка и крепости Олавинлинна* нами были представлены первые этапы нашего эмпирического анализа, риторический и лексический анализ, показан первый так называемый денотативный уровень наших материалах. В главе 5 *Семиотический анализ замков и крепостей*, в свою очередь, представлен более глубокий уровень, так называемый коннотативный уровень исследуемых нами данных. В этой заключительной главы мы будем представлять те выводы в форме семиосферы, сделанные нами в ходе эмпирического анализа. Выводы по результатам риторического, лексического и семиотического анализа включены ниже в формировании и структуру семиотического поля.

Чтобы иметь ясное представление о культурных ландшафтах Выборгского замка и крепости Олавинлинна, было бы полезно рассматривать их по субъективному аспекту. Ассоциации, включенные в субъективный аспект, придают культурному ландшафту свой смысл; «ландшафт души» замков и крепостей, измененный человеком, порождает новые смыслы в культуре. Исходя из риторического анализа туристических текстов, мы выяснили, что на основе текстов можно формироваться весьма патриархальный «ландшафт души» замков и

крепостей. Хотя описания являются порой романтизированными, «мужской» характер культурного ландшафта очевиден, реален и представлен в материалах. Реальность репрезентирована мужскими определениями. Культурные ландшафты замков и крепостей – арены сильных военных действий, в которых всемогущие мужские герои борются за владычество.

В ходе нашей дипломной работы была применена методология семиотического анализа для изучения культурных ландшафтов Выборгского замка и крепости Олавинлинна, выступающих в туристических публикациях в периода с 1923 по 2005 гг. Семиотический анализ показал, что основные культурно-пространственные значения, в которых функционируют названные замки: 1) оборонительное значение, 2) значение укрепленного места жительства, 3) тюремное значение, и 4) туристское значение. Результаты лексического анализа поддерживают выводы, сделанные в ходе семиотического анализа. Например, в лексике *замок* может означать также тюрьму в обоих языках, русском и финском; путем семиотического анализа мы доказали, что эта тенденция видна также в реальных функциях. Отсюда можно прийти к заключению о том, что лексика отражает состояние реального мира. С репрезентативной точки зрения культурные ландшафты как «ландшафты языка» являются картинами реальности и их можно прочесть как текст. Далее в этой главе мы посмотрим посредством «прочтения» какой «ландшафт языка» сформирован в репрезентативном уровне изучения культурного ландшафта.

В начале построения модели семиосферы важно заметить, что обсуждение культурных ландшафтов Выборгского замка и крепости Олавинлинна будет проходить совместно. Иначе говоря, мы не будем обсуждать названные замки отдельно, потому что основные этапы их развития одинаковые. Кроме того, что оба замка в своей эволюции использовались для обороны, они также были использованы в качестве жилища людей разных социальных групп, сословий, тюрьмы для осужденных и в качестве туристического объекта-аттракциона. Несмотря на то, что мы будем обсуждать результаты эмпирического анализа этих двух крепостей вместе, мы можем привести какие-либо отдельные примеры различий, относящихся к замкам, если мы сочтем это полезным для понимания анализируемого феномена. Как мы уже отмечалось, семиотическое пространство образуются из культурных значений, состоящих из языков, текстов и представителей культуры. Данные представители – интерпретаторы, которые во время своих существования на коллективном уровне связывают свои особые смыслы и культурные цели в материальные проявления в культурном ландшафте замков и крепостей, а таким образом, расширяют границы семиосферы. Материальными проявлениями

могут быть каменные стены, бастионы, тюрьмы, королевские залы и многие другие. Помимо важного значения интерпретатора в формировании культурного ландшафта, также каждый отдельный период оставил свои культурные знаки в ландшафте. С временным аспектом семиосферы мы познакомимся далее.

При анализе исследуемых нами материалов может сложиться первое впечатление, что замки и крепости рисуются нам в образе прочного монумента. Что мы имеем в виду? Замок представлен как каменный монумент, который крепко стоит на своем фундаменте. Несмотря на самые сильные удары, направленные непосредственно на замок, противнику никогда полностью не удалось его разрушить, который снова и снова восстанавливается, воссоздается, строится. Замок репрезентирует прочность и стабильность, как будто бы он был природным элементом и частью природы, а не результат человеческой деятельности, т.е. культуры. Культурными элементами представляются, между прочим, замки, все укрепленные здания и город вокруг замка, оборонительные ресурсы, тюремные помещения и сувениры для туристов. По-нашему мнению, культурные элементы репрезентируют изменчивость в ландшафте замков и крепостей.

Процессуальное свойство может наверняка являться важнейшим признаком культурного ландшафта, в котором изменение является значительным фактором. Семиотическое поле существует во времени в виде процесса. В семиосфере культурного ландшафта, помимо естественного течения времени, существуют также и другие постоянно изменчивые знаки: внешний облик сооружений и окружающего их пространства, владельцы сооружений, а то, также являются ли они частью природного или культурного наследия Швеции, Финляндии либо России, важны и функции, по которым замки существуют в течение своей истории. Изменения носят всегда актуальный характер. Переменчивость, а также перечисленные выше изменчивые элементы отражают культуру, одновременно являясь ее проявлениями. Таким образом, время – индикатор изменений. В результате постоянных изменений возникает проблема: как использовать замки, когда какая-то доминирующая функция теряет свое значение? Вследствие быстрого развития военной технологии замки сначала превратили в тюрьму, а затем и в туристический объект.

В ходе нашего анализа мы выяснили, что культурный ландшафт замков и крепостей в узком смысле отражает этапы развития города, зарождающегося вокруг замка, а в широком смысле – историю всей страны. Независимо от меняющихся владельцев, замки представляются как народное достояние. Интересно, что в наших исследовательских материалах замки

представлены как часть своих стран и культур, хотя это всего лишь один из способов описания доминирующей культуры. Несмотря на то, что замки обычно представляются собственностью того или иного государства, анализ показывает, что данная критерия не имеет весомой значимости, хотя можно было бы предполагать иначе. Национальная принадлежность является изменчивым элементом, то есть одним из тех определяющих свойств в культурном ландшафте замков и крепостей. Иными словами, мы привыкли к тому, что замки должны принадлежать какой-нибудь стране. Однако национальная принадлежность или владелец являются лишь внешними факторами в денотативной плоскости культурного ландшафта, а внутренние факторы находятся в коннотативной плоскости семиосферы. Рассмотрим, как замок представлен в роле прочного монумента в семиотическом поле значений.

При проведении нашего исследования выяснилось, что в культурном поле смысл замков и крепостей заключается в том, что замки и другие части в его ландшафте являются материальными проявлениями культуры. Замки репрезентируют прочные монументы, как будто они были бы неподвижной частью природы. В ландшафт замков и крепостей вписывается своя целостная культура, отражающая исторические этапы замков и состоящая из взаимодействия природных и культурных элементов. Культурные элементы, в свою очередь, являются нематериальными или духовными, в отличие от природы. Сами замки и описания туристских текстов, отражающие культуру крепостей, исследуются нами как материальные выражения. Данные материальные выражения содержат в себе страницу истории, создавая тем самым в нас стремление к воссозданию прошлого. Такая тонкость потребности человека часто приносит выгоду в сфере туризма. Замки напоминают нам о невозвратимом прошлом. В материалах замки чаще всего представлены романтизировано как средневековые крепости, но значение и других эпох в формировании их культурного ландшафта нельзя недооценивать. Было бы интересно разобраться, почему средневековье имеет столь огромное значение в данных описаниях крепостей. Культурный ландшафт определяется всегда настоящим временем. Значение разных функций, на которые замок влиял во время своей истории, определяет и данный момент. Этот момент, настоящее время, является коммуникативной ареной взаимодействия, выражением мнимого мира – это единое реальное место, в котором можно сформировать культурный ландшафт.

Рассматривая замки как материальные выражения культуры, в наших материалах можно увидеть и политические значения замков и крепостей. Особенно на их оборонительной и тюремной значениях базируются такие политические значения, как богатство, власть, сила и независимость. Вследствие культурно-пространственного значения замков в обороне и

владении окружающей территорией замки стали центрами города и политического режима в культурном ландшафте. Замки символизируют и репрезентируют власть, свойство которой зависит от их владения. В исследуемых нами туристских текстах эта репрезентация видна в описаниях исторических событий или внешнего вида крепостей. В культурном ландшафте всегда существует вопрос о том, у кого находится власть? Кто, в самом деле, является могущим определять и оценивать культурные ландшафты и как? По чьему приказу меняется культурный ландшафт и его ранние значения или функции? Исключительно под влиянием условий либо по приказу авторитарного деятеля? В контексте туристических публикаций можно спросить: какие прошлые периоды хотят репрезентировать и кто решает эту задачу?

В культурный ландшафт включено семиотическое поле, в котором на противоположных позициях существуют природный (материальный или физический) и культурный (нематериальный или духовный) поля интерсемиосиса. Физические и духовные поля семиосферы существуют в одно и том же культурном ландшафте одновременно. В контексте замков и крепостей, граница семиосферы имеет национальный, государственный, территориальный и религиозный характер. Культурный ландшафт – это пограничная зона, которая, с одной стороны, разделяет, с другой, объединяет свою собственную культуру. Культурные коды безусловно оцениваются разными интерпретаторами по-другому, но, несмотря на это, коллективная тенденция сохраняется, сохраняются важные для интерпретаторов части культурно-пространственных значений. Значение культурного ландшафта Выборгского замка и крепости Олавинлинна как природного и исторического наследия признается посетителями аттракциона и читателями туристических брошюр. При помощи туристических публикации культурные ландшафты замков сохраняются и снова регенерируются в письменной форме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Туристские опубликования о Выборгском замке:

Raekallio, I. painokset vuosilta 1928 & 1993. *Viipurin linna: sen vaiheet ja nähtävyydet*. Suomen matkailuliitto. Gummerus Kirjapaino Oy: Jyväskylä.

Sotasokeat ry. 1976. *Viipurin linna*. Sotasokeat ry:n kevätjulkaisu. KauppaKirjapaino Oy: Helsinki.

Абдуллина, С.А. 2005. *Замовенок Выборгский*. Музейный блокнот. СПб: «РОСК».

Кепп, Е.Е. 1989. *Выборг*. Проспект. Л: «Лениздат».

Петрова, Л.В. 2005. *Выборгский замок*. СПб: «Европейский дом».

Шопотов, К. б.г. *Тайны морского дна*. Государственный музей: Выборгский замок. Б.м.

ЦСКН б.г. = *Путеводитель Выборг*. Центр сохранения культурного наследия. Б.м.

Туристские опубликования о крепости Олавинлинна:

Auvinen, J. 1948. *Olavinlinnan opas*. Pyhän Olavin kilta: s.l.

Laamanen, M. & Prusi, H-L. 2004. *Olavinlinna*. Olavinlinnan opaskirja. Museovirasto. Karisto Oy: s.l.

Laamanen, M. & Prusi, H-L. 2004. *Крепость Олавинлинна*. Путеводитель по крепости Олавинлинна. Музейное ведомство Финляндии. Karisto Oy: б.м.

Olavinlinnan opas. 1923. Savonlinnan Kirjapaino Osakeyhtiö: Savonlinna.

Finland: Savonlinna. s.a. Savonlinna Travel Ltd: Savonlinna.

Антонова, Ю.А. 2010. *Замки и крепости Швеции и Финляндии*. Исторический путеводитель. М.: «Вече».

Теоретическая литература:

Barthes, R. 1961. *Sanoma valokuvassa*. Teoksessa Lintunen, Martti. 1984. *Kuvista sanoin 2*. WSOY: Porvoo.

Fiske, J. 2000. *Merkkien kieli: johdatusta viestinnän tutkimukseen*. Vastapaino: Tampere.

Granö, J.G. 1930. *Puhdas maantiede*. Tutkimusesimerkeillä Suomesta ja Virosta valaistu metodologinen selvitys. WSOY: Porvoo.

Karjalainen, P. & Raivo, P. 1999. *Maantieteen maisemia*. Johdatusta kulttuurimaantieteelliseen maisematutkimukseen. Oulun yliopistopaino: Oulu.

Lotman, J.M. 1989. *Merkkien maailma*. Kirjoitelmia semiotiikasta. SN-kirjat: Helsinki.

Maisema-alueyöryhmä. 1993. *Maisemanhoito*. Maisema-alueyöryhmän mietintö I. Ympäristöministeriö, ympäristönsuojeluosasto Painatuskeskus: Helsinki.

Massey, D. 2008. *Samanaikainen tila*. Toim. Lehtonen, M. Rantanen, P. Valkonen, J. Vastapaino: Tampere.

Raivo, P. 2004 *Historialliset maisemat ja maantieteellinen muisti*. Näkökulmia sotahistorian sijainnilliseen representaatioon. Teoksessa Mäntysalo, R. (toim.) Paikan heijastuksia: Ihmisen ympäristösuhteen tutkimus ja representaation käsite. Atena kustannus: Jyväskylä.

Tarasti, E. 1990. *Johdastusta semiotiikkaan: esseitä taiteen ja kulttuurin merkkijärjestelmistä*. Priima-Offset Ky: Helsinki.

Веденин, Ю. А. & Кулешова, М. Е. 2004. *Культурный ландшафт как объект наследия*. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: «Институт Наследия».

Лотман, Ю. М. 1996. *Внутри мыслящих миров*. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры».

Словари:

DHG 2000 = *the Dictionary of Human Geography*. Edit. R. J. Johnston, D. Gregory, G. Pratt, M. Watts. Great Britain: Blackwell Publishers.

KTS 2006 = *Kielitoimiston sanakirja* (2. osa). Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Päätoim. E-R. Grönros. Gummerus: Jyväskylä.

NSS 2002 = *Nyky-suomen sanakirja* (3.osa). Päätoim. M. Sadeniemi. WS Bookwell: Juva.

SS 2001 = *Synonyymi-sanasto*. A. Leino, P. Leino. Otavan Kirjapaino: Keuruu.

БФРС 2007 = *Большой финско-русский словарь*. Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. М.: «Живой язык».

БТС 1998 = *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: «Норинт».

РЯ 1997 = *Русский язык*. Энциклопедия. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: «Большая Российская энциклопедия, Дрофа»

ТСИС 1998 = Крысин, Л.П. *Толковый словарь иноязычных слов*. М.: «Русский язык».

Материалы, опубликованные в Интернете:

Huttunen, T. *Venäläisen kulttuurin semiotikka: keskusta ja periferia*: <http://www.helsinki.fi/venaja/e-materiaali/mosaiikki/fi2/th2.pdf> [просмотрен 17.1.2012]

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. – UNESCO, WHC.05/2, 2005 (February): <http://whc.unesco.org/archive/opguide05-en.pdf> [просмотрен 2.11.2011]

Convention concerning the protection of the world cultural and natural heritage. World Heritage Committee (sixteenth session). 7-14 December 1992: <http://whc.unesco.org/archive/1992/whc-92-conf002-12e.pdf> [просмотрен 2.11.2011]

FORT = *Linnasta linnaan. Замки и крепости*. Туристическая информация о замках и крепостях Финляндии и России. Музейное ведомство Финляндии: <http://www.fort.fi/index.html> [просмотрен 3.2.2012 и 5.5.2014]

ТАК = Tutkimus- ja analysointikeskus TAK Oy. 11.9.2013. *Selvitys viisumivapauden vaikutuksista*: http://www.rusgate.fi/viisumivapaus/00_viisumivapauden_vaikutukset_yhteen veto.pdf [просмотрен 13.12.2013]

ТК = Tilastokeskus 30.5.2013: *Matkailu ulkomailta Suomeen kasvoi vuonna 2012*: http://www.stat.fi/til/rajat/2012/rajat_2012_2013-05-30_tie_001_fi.html [просмотрен 13.12.2013]

АС www = *Архитектурный словарь*: <http://www.onlineslovari.ru/dic-arh/z/zamok.html> и <http://www.onlineslovari.ru/dic-arh/k/krepost.html> [просмотрен 22.11.2011]

ИС www = *Исторический словарь*: <http://www.onlineslovari.ru/dic-his/z/zamok.html> и <http://www.onlineslovari.ru/dic-his/k/krepost.html> [просмотрен 22.11.2011]

Лавренова, О.А. 2009. *Стратегии «прочтения» текста культурного ландшафта*. Эпистемология & философия науки: <http://www.intelros.ru/pdf/eps/04/13.pdf> 200009 [просмотрен 13.12.2013]

Лавренова, О.А. 2010. *Семантика культурного ландшафта*: http://www.ceninauku.ru/page_21968.htm [просмотрен 13.12.2013]

Ливинская, О.А. 2012. *Природное и культурное наследие: понятие культурного ландшафта в отечественной географии*. Псковский Регионологический Журнал: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kulturnogo-landshafta-v-otechestvennoy-geografii> [рассмотрен 4.5.2014]

Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. – UNESCO, WHC.99/2 2005 (Февраль): <http://www.nhpfund.ru/files/operational-guidelines-ru.pdf> [просмотрен 31.10.2011]

Турпот Выборга: <http://www.visitvyborg.ru/> [посмотрен 23.2.2014]